

ТАИНСТВО БРАКА. МАЙК МЕЙСОН.

<http://horoshoe.info>

Оглавление

Предисловие.....?	
Пролог.....	11
Отличие	23
Любовь	51
Близость.....	73
Обеты	95
Секс.....	117
Послушание.....	143
Смерть.....	175
Эпилог.....	187
Наследие влюбленного.....	190

Предисловие

Я преподаю в Риджентс Колледже. И если бы кто-то из студентов-молодоженов подошел ко мне и сказал, что решил стать писателем и первую книгу посвятить проблемам брака, я со всей категоричностью, на которую способен, ответил бы ему: «НЕТ! Выкиньте эту чушь из головы». Я стал бы объяснять, что брак — вещь очень тонкая и сложная. Потенциально семейная жизнь — источник удовлетворения, но писать хорошо и разумно на эту тему дано не каждому. Еще бы я добавил, что христианами уже написаны сотни плохих книг о браке: создается впечатление, что они написаны фарисеями для фарисеев же. «Вряд ли, молодой человек, вам удастся пойти против течения!» — сказал бы я и добавил бы, что нужны годы совместной жизни, чтобы правильно понять смысл брака, что молодые писатели вообще не умеют писать о человеческих взаимоотношениях. И так далее и тому подобное. Я постарался бы всеми силами отговорить его, будучи в полной уверенности, что оказываю ему добрую услугу.

К счастью для мира (да и для меня, как теперь оказалось), Майк Мэйсон посетил все, мои лекции, но не поставил меня в известность о своих планах; он стал писать. Результат его трудов перед вами. Это чудесная книга, которой, может быть, и не было бы, посоветуйся Майк со мной. В настоящее время мне приходится писать много вступлений, но давно уже ни одна книга не возбуждала во мне таких "чувств, как эта. В ней есть* мудрость, глубина, достоинство и блеск. Честное слово, для меня — радость писать это вступительное слово.

Дорогие христиане, читайте эти главы, но читайте не спеша! Звук голоса автора, берущего начало и:* Библии, глубже и сильнее, чем те голоса, к которым мы сегодня привыкли. Мужья и жены, читайте эту книгу вместе! Поняв прочитанное, вы исполнитесь чувством благоговения и радости. Дорогие читатели, страницы, написанные Майком, напомнили и мне (простите такую слабость), что я влюблен. В его словах о величии брака есть новизна и сила. Я уверен: эта книга волеет живительную струю во многие семьи.

Джеймс Пахер

«Железо железо острит,
и человек изощряет взгляд друга своего»

(Пр. 27:17)

«Три вещи непостижимы для меня,
и четырех я не понимаю:

Пути орла на небе,

Пути змея на скале,

Пути корабля среди моря

И пути мужчины к девице»

(Пр. 30:18-19)

Пролог

Шла первая неделя нашего медового месяца. Как-то вечером мы с женой остановили машину около монастыря траппистов. Стоял жаркий летний день — воздух прозрачный и тихий, небо высокое, серо-голубое. Все вокруг было неподвижно, не видно ни одного монаха. Мы вылезли из машины и,

взявшись за руки, направились к монастырю. Из теплой голубизны яркого дня мы попали в прохладную тихую часовню. Она тоже была по-своему яркой и тихой, но ее тишина отличалась от наружной. Мы разняли руки, и я почувствовал неловкость, смущение. Видимо, в тот момент я всерьез задумался о том, как Бог отнесся к моему браку.

Мы склонились для молитвы. А тишина звенела и, подобно крику, эхом отражалась от стен часовни. То же самое происходило и у меня в душе — от смятения сердце рвалось на части. Вновь нахлынули все вопросы и сомнения, которые одолевали меня во время помолвки. Так что же такое брак? Неужели все уже свершилось и я теперь по-настоящему женат? Как же я решился? Неужто теперь нет пути назад? Кто эта женщина, что стоит рядом со мной? А может, мне остаться здесь и постричься в монахи? Тишина часовни обняла нас, словно птица огромными крыльями, но от этого легче не стало.

На обратном пути мы встретили знакомого, который обычно показывал монастырь посетителям. С чувством глубокого стыда я представил ему свою жену. «Он-то сразу поймет, какую страшную ошибку я совершил», — думал я. Мы перебросились несколькими словами и расстались с ним. А потом мы ехали на машине по длинной тенистой аллее прочь от этого прекрасного места, и я чувствовал, что пропал безвозвратно, ощущал такое отчаяние, которого не доводилось испытывать ни разу в жизни.

В конце аллеи мы свернули на шоссе, и по краям дороги засверкали желтые колосья пшеницы. Где-то у горизонта золотое поле сливалось с небесной голубизной. На нас опустилась другая тишина: это была тишина не великолепного солнечного дня и не часовенки, а новая — острая, тревожная и самая громкая тишина на свете встала между мной и женой.

Вдруг жена указала на крошечное темное пятнышко над полем. Оно было еще далеко, но двигалось по направлению к нам. Мы смотрели на него и вдруг увидели вторую точку. Эти две точки описывали круги в небе. Порой их пути пересекались, но потом расходились вновь.

«Это ястребы», — сказала жена.

«Да, ястребы», — отозвался я.

Пара птиц приближалась, лениво описывая большие круги по невидимой глади воздуха. Казалось, они снижаются лишь для того, чтобы показаться нам. Я остановил машину, и мы вышли полюбоваться на птиц. Теперь их было видно гораздо лучше. Солнечный свет разливался вокруг них, образуя что-то вроде нимба. Мы хорошо видели их перья, полупрозрачные на концах. Но ни разу ни одна из них не шевельнула крылом. Они держались совершенно прямо, ровно. Тем не менее, в каждом их движении чувствовался покой. Они парили в воздухе, будто сливаясь с ним, будто сами были сотканы из воздуха — две ожившие молекулы воздуха, кружащие в медленном прекрасном танце, — то встречаясь, то расходясь. Они походили на пару фигуристов. Одна птица парила по часовой стрелке, другая — против. Спускаясь все ниже и ниже, они, казалось, создавали воздушный водоворот, засасывающий в себя тишину дня.

Чем дальше мы смотрели на них, тем яснее становилось: эти ястребы ничем не заняты. Они не охотились, ничего не искали, никуда не летели. Они просто играли, наслаждаясь теплой голубизной дня, силой и умением своих крыльев, радуясь парению и более всего друг другу. Я очень мало знаю о ястребах, но в тот момент меня поразило следующее: никогда раньше я нигде не видел пары ястребов. Они встречались мне лишь поодиночке. И в этом парящем танце двух птиц, которым принадлежало все небо, было что-то, эхом отозвавшееся в моей душе. Я увидел в их полете не только игру или свободу, но и красоту любви, радость и покой, которые ощущаешь, когда рядом находится любимый человек.

Мы с женой очень долго смотрели на этот танец в небе. Но потом большие птицы вновь превратились в две крошечные точки в голубовато-золотой выси. Мы сели в машину, и нас снова обняла тишина — тишина полного взаимопонимания.

Эти два ястреба, парившие в небе неподалеку от монастыря траппистов, и подсказали мне тему данной книги, в основу которой лег мой внутренний конфликт между жадной к одиночеству и желанием иметь товарища. Конфликт начал разрешаться именно тогда. Медленно и постепенно рушились мои ложные представления о браке и, как я думаю, о любви, и жизни вообще. Ведь никогда раньше мне не доводилось видеть огромное голубое небо свободы, на фоне которого разворачивалась бы картина брака. Не будучи женатым, я очень быстро решил, что мой удел — безбрачие. На деле же я был просто закоренелым холостяком, который никак не хотел понять, что вступить в брак, значит не образовать ячейку общества, а обрести живого человека на всю жизнь. Я не понимал, что брак не сужает возможности человека, а расширяет их. Ибо человек — это единственное неограниченное существо во вселенной. Если и есть нечто еще более безраздельное в своих возможностях, так это два человека вместе.

Наверное, мало кто любил одиночество так, как я. И вряд ли кто мог бы всерьез подумывать о

пострижении в монахи, а потом влюбиться и жениться. Но именно так произошло со мной. Я думаю, для каждого человека женитьба становится неожиданностью, полной переменой судьбы, обнажая этот укоренившийся внутренний конфликт. Следует, конечно, делать поправку на темперамент человека и внешние обстоятельства его жизни, но по сути своей женитьба вскрывает в каждом один и тот же нарыв: в человеке борются стремление к независимости — и желание зависеть от другого, мечта о любви — и жажда уединения, стремление к самодостаточности. Даже те, кто долгие годы мечтали вступить в брак, кто ненавидели свое одиночество, воспринимают супружество как покушение на свою свободу, вторжение чужака в сферу чего-то сугубо личного. Вступая же в брак, каждый испытывает нечто подобное шоку: его поражает, насколько тесно приходится теперь общаться с супругой или супругом.

Насторожился и я. С самой первой встречи со своей будущей женой я понял, что процесс внутренней дезинтеграции — медленный и необратимый — во мне уже начался. С другой стороны, я будто помолодел, внутренне обновился. Но тридцатилетний мужчина похож на перенаселенный город: чтобы выстроить в его сердце что-то новое, непременно нужно снести что-то старое. И вот началась процедура сноса. Бывали моменты, когда я чувствовал: все, что раньше для меня имело огромное значение, теперь оказалось под вопросом. Чудилось, что меня обманом заставляют продать душу в обмен на женскую любовь! Приближался день свадьбы, и на карту было поставлено очень многое — можно сказать, все. Никогда раньше я не думал, что вся жизнь может зависеть от одного — единственного решения. Постепенно я понял, что таково одно из главнейших качеств любви: она требует всего человека. Она не удовольствуется ни малым, ни большим — ей нужно все. И пока человек не почувствует, что готов отдать последнее, — он не полюбит.

Но до чего же трудно, даже невозможно, отказаться от всего! Можно чисто символически показать, что отдаешь, громко заявив об этом на свадебной церемонии. Но это только пролог. Свадьба — лишь начало процесса, который будет идти всегда: всю жизнь вы будете учиться отдавать, и не только все, что у вас есть, но и самого себя.

Нет ни одного человека, которого не сломал бы этот процесс. Это тяжело и больно — такую пытку нельзя вынести. Каждый ломается (по крайней мере, надламывается) на дыбе любви, и нет ничего подобного этому сокрушению любовью. Это не внутренний надлом, который испытывает банкрот, или фермер, не получивший урожай, или работник, потерявший работу. Это не тот надлом, который испытывает больной, тело которого ноет от нескончаемой боли. В браке человека ломает любовь — не физическая боль, не природное бедствие, не страшные происшествия во «внешнем мире», а сама любовь. Смириться с такой пыткой тяжелее всего. Ведь на борцовской арене жизни наше единственное прибежище — любовь! Выходит, сильнейшая мука — мука, порожденная любовью. И если в браке что-то не заладится, то боль будет еще сильнее. Семья — самое уязвимое место каждого человека. Ведь всем дана способность любить и быть любимым. При взаимоотношениях любого другого рода эту ранимость можно скрыть (и как хорошо мы научились это делать!), но в браке она обнажается, усиливается и становится во главу угла. Порой человек не справляется с такой ситуацией: он сдаётся и убегает. Жизнь рушится. Но и те, кто остаются; — в опасности: если любовь их не сокрушит, им не выстоять.

Правда, есть принципиальная разница между теми, кто остаются, и теми, кто убегают, между крепким браком и браком распавшимся или конфликтным. И там и там происходит крушение, но их суть иная. У тех, кто бегут от пламени семейной жизни, рушится любовь, и способность человека любить — это таинственное и тонкое качество — получает глубокую рану, которая остается порой на всю жизнь. А вот те, кто остаются и продолжают любить, кто идут до конца, до смертного одра, переживают не крушение любви, а крушение своего «я». В этом и состоит отличие: сокрушить свое «я» — это одно, но совершенно иное — потерпеть душевное крушение.

В браке труднее всего привыкнуть к тому, что за тобой все время наблюдают. Постоянный надзор утомляет, подобно яркому солнечному свету, бьющему в глаза. При этом неизбежно рушатся защитные механизмы, слетает маска и спадает карнавальный костюм. Так что же, брак — это взаимная промывка мозгов? Да, так по сути и получается, но мозги вам промывает не жестокий палач и не тиран, а сама любовь. Только любовь может пригвоздить нас к стене и заставить отвечать, причем отвечать до тех пор, пока она не удовольствуется ответом.

Очень трудно жить, когда за тобой наблюдают, когда все твоё существование проходит на виду. Для человека, который не любит слежки за собой, безразлично, кто следит — любовь или злоумышленник. Такое наблюдение тяжело, ибо мы твердые, непрозрачные существа. А любовь требует от нас полной ясности.

С этого постоянного наблюдения брак начинает крестовый поход против крепости собственного «я», против независимости, самодостаточности, нежелания раскрыться. Те пары, которые сумеют

отразить это нападение, будут вместе возрастать в любви, получают подарок. Оказывается, брак способен удовлетворить ваше «я» — показать ваше отличие от другого, даже укрепить индивидуальность. Другими словами, брак — это лучшее, что может быть: он насыщает стремление к одиночеству и жажду общения. Подумайте только, как хорошо побыть с любимым человеком в тиши и покое, когда и сами вы знаете: у вас одна цель — побыть вместе, остаться наедине с любовью. Это очень странное чувство: ты и один и не один одновременно, ты — где-то посередине и обретаешь самое лучшее от того и от другого. Это значит, что можно расслабиться, но до определенного предела, ибо сознаешь, что другой всегда рядом. Но когда за тобой наблюдает любящий человек — это несравненное чувство! Пожалуй, так Господь наблюдает за нами. Ведь каждый верующий чувствует над собой Его неусыпное око. Он ощущает, что живет в невидимом присутствии Бога, что Бог так любит его, будто он уже увенчан нимбом. Кажется, будто какой-то духовный ток наполняет все слова и поступки верующего: его самого, его поступки Бог не только принимает, но и дивится им. Он не просто нравится Богу, но Бог обращается с ним, как с удивительным существом, дорожит им.

При таком отношении человек раскрывается подобно цветку, становится самим собой, ведет себя совершенно естественно. Он вдруг понимает, что сам не знает своего истинного «я». Он-то считал себя другим и теперь кажется себе совершенно новым человеком. Но новый человек всегда был рядом: стоило поверить в себя благодатью Божьей, и он вышел бы из тени. Такова любовь: она выводит людей на свет, каким бы болезненным этот процесс ни оказался. Любовь несет откровение, раскрывает наше естество. Это и есть процесс заточки, когда отлетает все ненужное и безжизненное, чтобы явилось на свет истинное «я».

Алмаз пилой не распилить, ястреб не порхает бабочкой. Чтобы человек заблистал, стал настоящим, нужна любовь, нужен еще один человек: «Железо железо острит, и человек изощряет взгляд друга своего» (Пр. 27:17). Процесс заточки — болезненный, но отнимите у любви боль — и не останется ничего.

Двух ястребов я воспринял как знак того, что Бог доволен моей женитьбой; как обетование: несмотря на муки «заточки» боль, неуверенность искры от точильного колеса улетают в небесную голубизну. Не просто два ястреба парили в небе — это ангелы радовались моему браку, а возникшее у меня желание остаться в монастыре было лишь искушением дьявола. Эти две птицы подтвердили: самая угодная Богу форма поклонения — это поклонение семейное, это две жизни, проходящие рядом, два человека, вступившие в завет любви... В тот летний полдень к нам снизошла Божья благодать, которую Бог тихо и тактично посылает нам. Эта благодать имеет особую силу — она обнажает наши недостатки, заблуждения, очищает сердце. Никогда более я не поддамся жестоким сомнениям, не буду гадать — хотел ли Бог моего брака вообще, хотел ли Он, чтобы я женился на этой конкретной женщине. Никогда больше я не подумаю о браке, как о чем-то противном жизни верующего человека. Христианин не может думать о Боге, не вспомнив об Иисусе Христе, так и муж-христианин не может подумать о жене, не вспомнив одновременно о Христе и своем обещании следовать за Ним. Вот так тесно брак связан с любовью к Богу. «Мужья, — наставляет Павел, — любите своих жен, как и Христос возлюбил Церковь» (Еф. 5:25). Для христианина брак — это вечное таинство, жест поклонения и повиновения; это благодать, которая не менее духовна, чем монастырская или церковная жизнь, миссионерский труд; не менее важна, чем любое другое дело, совершаемое в миру во имя Господа.

Размышления о невинности монастырской жизни — это не единственный способ вывернуться из уз брачных обетов! То, что я ощущал в монастыре траппистов, — лишь одна из граней большого искушения, которое преследует каждую семейную пару: им так не хочется стать одним целым. Человек втайне пытается избавиться от обязательств, которые накладывает брак, старается не «уступить ни пяди своей земли». Он постоянно подвергается искушению «ослабить» отношения, свести их до необходимого минимума. Но, с другой стороны, присутствует и желание отдавать себя все более и более, углублять отношения, обрести в супруге обильный и совершенный канал изливания Божьей благодати.

Прошло много времени после того, как мы наблюдали за ястребами. Как-то мы с женой стояли на холме и смотрели на океан. Тогда мы увидели еще одно редкое и незабываемое зрелище. Это была пара орлов. Они вели себя точно так же, как ястребы: парили друг над другом, описывая круги лениво, но точно. Крылья их были неподвижны. Тела напоминали парящие кресты. Но на этот раз мы смотрели на них не снизу вверх, а сверху вниз, потому что стояли на возвышении. Шел первый день нового года — года, требовавшего от нас многих усилий. Небо вновь было безоблачным, воздух наполнен солнечным сиянием. Господь раскрыл Свои ладони и выпустил этих прекрасных птиц, дав нам еще один знак — знак того, что Он доволен нашей супружеской любовью. Орлы были в сотне футов под нами, а еще ниже лежали синие-синие воды Тихого океана. Волны ловили солнечные лучи и несли их сверкающими брызгами к краю земли. Воздух в тот день был таким прозрачным, что видимый простор казался

бездбрежным.

Бог никогда не посылает лишь один знак: Он посылает знаки один за другим, подтверждая Свою волю. Но различать их — дело веры, дело тех, кто хотят найти связь между внешней видимой реальностью жизни и внутренним климатом сердца. Человек сам должен стремиться совместить внешнее и внутреннее, чтобы смогло прийти Царство Божье. Дело в том, что внутренние искания неизбежно выливаются в искания внешние, путь к Богу всегда лежит через укрепление отношений с людьми. В центре духовного круга стоит семья, ибо, как указывал апостол Павел, именно она олицетворяет отношения церкви с Господом и Спасителем Иисусом Христом.

Об этом и пойдет речь в данной книге. Мы будем говорить о живой взаимосвязи между браком и невидимыми реалиями христианской веры. Здесь вы не найдете готовых рецептов успешного брака; мы поговорим о том, зачем дан брак, поразмышляем о его духовных основаниях.

Отличие

Первое чудо

Когда я сказал другу, какую притчу из Библии можно положить в основание книги о браке, он тут же спросил меня, что я думаю о таком стихе: «Непрестанная капель в дождливый день и сварливая жена — равны; кто хочет скрыть ее, тот хочет скрыть ветер и масть в правой руке своей, дающую знать о себе» (Пр. 27:15-16).

Какая же злая и грубая аналогия, не правда ли? Как неромантично! Но ведь и в браке порой полно неловкости и бестактности. Иногда он не более романтичен, чем мойка с грязной посудой. Сключный у вас супруг (супруга) или нет — всякий брак тяготеет к тому, чтобы стать непрестанной капелью. Тут уже не до парения в безоблачном небе! Но всякой законной супруге следует на всю жизнь запомнить слова Джереми Тэйлора: «Каждый муж должен научиться сносить недостатки своей жены, и при этом произойдет одно из двух — либо он будет проклинать ее, либо сам станет лучше». (Сказанное равно относится и к мужьям, и к женам!).

Несмотря на едкие замечания о сварливых женах, которыми пестрит книга Притчей, она заканчивается гимном семье:

«Кто найдет добродетельную жену?

цена ее выше жемчугов.

Уверено в ней сердце мужа ее,

и он не останется без прибытка»

(Пр. 31:10-11)

Иначе говоря, книга Притчей придерживается взгляда на брак, который и сегодня признают хрестоматийным: нет ничего хуже плохой женитьбы и лучше хорошей.

До некоторой степени это — суть библейского богословия, потому что везде в Писании брак — образ отношений между Богом и человеком. Павел, как мы уже отмечали, прибегал к этому сравнению, чтобы описать союз любви между Христом и Его церковью. И не он один. Ветхозаветные пророки считали, что брак — это наиболее яркое и понятное описание любви между Господом и Его народом. Иисус рассказывал притчи, в которых брачный пир символизировал пришествие Царства Божьего. Добрый христианский брак — это больше чем удачный пример для проповеди. Это первый видимый и наиболее славный плод Царства Божьего. Кстати, именно на брачном пиру совершил Свое первое чудо Иисус Христос. Брак — это и первое Божье чудо после сотворения мира: «И создал Господь Бог из ребра, взятого у человека, жену, и привел ее к человеку» (Быт. 2:22).

«Кость от костей моих»

Ни история, ни литература не описывают более знаменательной встречи между двумя людьми, чем встреча Адама и Евы в Эдемском саду. Когда в самом сердце Африки Стэнли нашел Ливингстона, то он нашел лишь того, кого искал. А если бы он не искал его? А если бы до встречи никто из них не видел белых людей? А если бы они вообще не видели других людей? Или вспомним Робинзона Крузо: вот он останавливается, чтобы получше рассмотреть отпечатки ног человека на необитаемом острове. И каково было бы его удивление, если бы он был не жертвой кораблекрушения, а новоиспеченной Божьей тварью и думал, что, кроме него, на земле нет людей? И если бы Пятница оказался не мужчиной, а женщиной. (а Крузо даже и не догадывался бы, что среди представителей его вида есть особи женского пола)?

Все эти предположения — фантастика, но элементы фантастики есть и в рассказе из начальных глав книги Бытия о первой встрече мужчины и женщины — двух первых людей. Трудно себе представить, какой ураган мыслей пронесся в мозгу Адама, но Писание донесло до нас его слова: «Вот, это кость от костей моих и плоть от плоти моей; она будет называться женою: ибо взята от мужа» (Быт. 2:23). Так что же, происхождение Евы интересовало Адама гораздо больше любви? А вопрос о

количестве костей в скелете мужчины и женщины — больше, чем милость жены? Но интересно отметить: его слова — первый образчик библейской поэзии, хотя современному человеку они могут показаться чересчур прозаичными.

Нужно помнить: эти слова Адам сказал после того, как обзрел всех животных и дал им имена. Среди них не оказалось ни одного, которое смогло бы стать ему товарищем и другом. А при виде Евы он понял, что это существо очень близко ему, но, тем не менее, они разные! Она была по-другому устроена и способ ее сотворения был иной: Бог создал ее не из праха земного, а из ребра Адама. Но несмотря на это мужчина тут же узнал в ней существо подобное себе: в отличие от животных, она относилась к его виду. Она была его второй индивидуальностью. Внутреннее естество Адама ощутило то, что он не мог выразить словами, — это его пристань, его семья. Она была костью от костей его, была покрыта его плотью — была его плотью и кровью.

А это, как рассказывает книга Бытия, и есть повод для брака: «Потому оставит человек отца своего и мать свою, и прилепится к жене своей; и будут одна плоть» (Быт. 2:24). Благодаря этому таинственному и манящему сочетанию сходства и несхожести и возможен брак. После того, как мы узнаем о разных обитателях земли, Бог, в конце концов, показывает нам того, кто отличается от других, кто затрагивает в нашей душе потаенные струны. Во многом этот человек непохож на нас, тем не менее, что-то внутри нас видит в нем кость от костей наших и плоть от плоти нашей. И происходит это на каком-то глубинном уровне. Это — кровная связь, близость сердец. Мы вступаем в кровное родство с тем, кого любим, а церемония бракосочетания только скрепляет союз. Вступить в брак — значит, в чужом человеке найти близкого, давно утерянного родственника, настоящего кровного родича, который ближе нам, чем отец и мать.

Первая встреча

Конечно, мы не можем полностью представить себя на месте Адама, понять, что значит увидеть впервые еще одного, такого же, как мы, человека, не говоря уже о представителе другого пола. Хотя это первобытное и невообразимое удивление вступающие в брак испытывают и сегодня. Вступив в супружеский союз с женщиной, мужчина получает возможность узнать ее так близко, как ни одну другую. Брак не только позволяет заглянуть в душу и сердце супруга, он не может сохраниться, если пропадет свежесть и новизна этого взгляда. Ах, как нам нужна эта новизна! Влюбившись, мы чувствуем ее вкус, но лишь брак дает долгий, глубокий и постоянный приток любви, которого, сами не зная, мы ищем. Втайне мы стараемся остановить мгновение той поразительной встречи в саду. Нам хочется стоять и созерцать друг друга, как это, наверное, произошло с Адамом и Евой, когда их взгляды впервые встретились. Мы желаем, чтобы наша душа постоянно трепетала от того, что удивительное существо другого пола рядом. Оно создано специально для нас и дано нам, чтобы помогать, утешать и радовать. Мужчины и женщины мечтают иметь сердце, способное познать эту реальность, глаза, которые в состоянии разглядеть друг друга (и самих себя), увидеть чудо друг в друге.

В этом и состоит суть брака. К этому и стремится всякий брак. Встреча между мужчиной и женщиной — это первичное звено, на котором строится брак. На ней он и держится, как плоть на костях. А потому задача супругов — возвращаться к этой встрече, по-новому видеть и переживать ее. Раньше или позже у супругов возникает подозрение: а не слишком ли мало у них общего? Может, их связывает лишь то, что оба они люди и что они случайно полюбили друг друга (или думали, что полюбили)? Как быстро уходит из любви романтика! Как мало супруги в действительности знают и понимают друг друга! Каким далеким может стать близкий человек! Даже призрак отчуждения может наполнить супругов страхом, разлучить на всю жизнь или же заставить их горевать о том, что они сделали неправильный выбор: нужно было выбрать того, с кем у тебя больше общего!

Тем не менее, эта несхожесть — чувство, что, кроме плоти и первичного влечения, у тебя нет ничего общего с супругом, — является самой сильной стороной брака. Ведь именно это ощущение позволяет хоть чуть-чуть заглянуть в тайну брака. Оно — та почва, на которой расцветает любовь, оно — таинственный чернозем, на котором ничего, кроме любви, не вырастет. Как познать истинную любовь, не отшелушив от нее все лишнее — всяческие формы физического влечения? Брак существует только благодаря тем невыносимым минутам, когда супругам становится ясно, что, кроме жертвенной любви, вместе их ничто не удержит.

Конечно же, на поверку оказывается, что общего у супругов гораздо больше, чем им кажется. Но порой в браке люди забывают о сходствах и слишком преувеличивают различия (особенно несходства в характере и темпераменте). Правда, отличия позволяют узнать друг друга на самом глубоком, самом значимом уровне, увидев в другом кость от костей своих и плоть от плоти своей. Для этого нужно, чтобы удивление первой встречи в Эдемском саду заново охватило их; чтобы супруги поразились: как это они

вообще решили жить вместе; чтобы поняли: их вместе держит что-то, не зависящее от них самих, что-то над природное, что им неподвластно, что не является продуктом их воли. В размышлениях друг о друге им легче будет понять Бога: Бог — это Тот, Кто во всем отличается от нас, но с Кем люди находятся в глубоком родстве; это Тот, к Кому они привязаны любовью. Ибо Господь в неисследимом и чудном вочеловечении явил нам: Он тоже кость от костей наших, плоть от плоти нашей, причем настолько, что даже сошел с нами в могилу.

Жизнь в ореоле славы

Брак — прежде всего, акт созерцания, божественное исследование, постоянное изумление. Это становится ясно с самого начала, с того мига, когда мужчина и женщина замечают друг друга и чувствуют, что полюбили друг друга. Все начинается с удивленного созерцания, беспомощного любования, непреодолимого желания просто смотреть на возлюбленного. Сколько в нем открывается нового! Сколько нового видится в двух людях, выхваченных из толпы лучом взаимной любви. Обожание парализует. Остальные чувства отходят на второй план. На авансцену выходит любовь. Неожиданно и, кажется, впервые в жизни человек видит то, что во всех отношениях достойно его абсолютной любви и преданности. Это и называется «влюбить». Совершенно естественно: в такую минуту не веришь глазам своим. Любовь приходит облаченной в плоть. Она умеет говорить, ходить и отвечать любовью. К этому мы не готовы. Конечно, определенная программа в нас заложена: нам свойственно ждать любви, предчувствовать и желать ее, но, когда она приходит, мы всегда не готовы. Ибо по натуре мы — скептики: как бы ни хотелось чуда, мы никогда не верим в него до конца. Когда же чудо любви разворачивается у нас перед глазами, оно сбивает нас с толку, оглушает, мы теряем способность жить нормальной жизнью и можем лишь любить — смотреть, дивиться, созерцать, обожать.

Когда это происходит, мужчина и женщина попадают в смешную ситуацию: им вроде бы и нечего вместе делать, если не считать делом беспомощное созерцание чуда взаимной любви. Ибо брак — это созерцание Божьей любви в другом существе и через призму другого существа. Нас зачаровывает факт, что чисто духовное явление может обрести столь реальные вещественные формы. Без этого главного занятия (которое и занятием-то не назовешь, а только некоей божественной статикой, созерцанием глубин любви) все остальные действия и обязанности супругов будут бессмысленными. Когда из брака уходит это первичное чувство, когда супруги уже не могут остановиться и предаться любовному созерцанию, когда простая любовь (любовь ради любви) уже не занимает главного места в жизни — брак теряет свой смысл. А потерять эту простейшую и очевидную вещь — значит, потерять все.

Брак — это жизнь в ореоле славы, жизнь с воплощенным откровением, жизнь в ежедневном познании тайн любви. Наше сильное, но крайне стеснительное любопытство постоянно подпитывается, получает пищу, но так и не насыщается до конца. В браке мы живем бок о бок с очевидной тайной, с человеком из плоти и крови, к которому разрешается прикоснуться, которого позволено обнять. Ему можно задавать вопросы, изучать его, ласкать его. И, тем не менее, он так и остается нескончаемо таинственным и бесконечно непознаваемым.

Всегда рядом

Супруга (супругу) можно сравнить с большим деревом, которое проросло прямо посреди гостиной. Супруг всегда рядом, он огромен, все вертится вокруг него. Когда идешь к холодильнику, кровати, в ванную или к двери, об этом дереве нужно помнить. Сквозь него нельзя пройти: его нужно уважительно обходить. Дерево больше и сильнее тебя. Конечно же, его можно срубить, но тогда развалится весь дом. Оно прекрасно — это экзотическое дерево. Другого такого нет. Но оно доставляет и массу неудобств.

Многое можно сказать о друге, данном тебе на всю жизнь, но главное в следующем: он или она — это тот, кто всегда рядом. Для людей, в отличие от деревьев, это несколько необычная ситуация!

Брак — наиболее стойкое и неизбежное напоминание о человечестве. Люди живут рядом, они абсолютно реальны и очень отличаются от воображаемых существ, которыми чаще всего населены наши мысли и фантазии. Вступить в брак — значит, ежедневно сталкиваться с тайной чужой жизни, той, которая вне тебя. Это не экзистенциализм и не метафизика дзен-буддизма. Это просто жизнь, — такая, какой ты раньше не видел: жизнь под микроскопом. Тот, кого мы любим, — рядом, так близко, как никто другой. Ближе только ты сам. Даже родители не вмешиваются в жизнь взрослого человека, не влияют на его поступки так, как супруг или супруга. Женится — и вдруг понимаешь, что ты не один. Ночью, утром, в кровати и ванной кто-то всегда рядом — телом и духом, в разуме и сердце. Супружеская жизнь может казаться чем-то естественным и почти автоматическим, как само дыхание, тем не менее, супруги почему-то не в состоянии привыкнуть друг к другу до конца, как привыкают дышать. Каким бы скучным и накатанным ни казался брак, есть в нем что-то неестественное. Весь ход совместной жизни — это обычно сочетание поступков совершенно естественных с поступками очень нескладными (как это, наверное, было в первую брачную ночь).

Но что ощущают супруги по отношению друг к другу? Становится ли реальное присутствие другого в твоей жизни привычным и удобным? Проходят годы — к первоначальной тайне любви прибавляется загадка, заданная временем. Проходят десять, тридцать, пятьдесят лет — загадка становится просто неразрешимой: живешь вот так всю жизнь бок о бок, под одной крышей с другим существом, которое, как бы близок ты ему ни стал, остается по сути незнакомцем. Ты знаешь этого человека лучше, чем кого бы то ни было, но порой задумываешься — а знаю ли я его вообще? Ощущение странности усиливается по мере того, как глубже и спокойнее становится любовь супруга или супруги.

Так что же непознаваемо в супругах, скрыто в глубинах сердца любимого? Возможно, это какой-то духовный орган, который отвечает за общение с Богом: чтобы привести нас в чувство и рассказать о Себе, Своем отличии от нас, Бог, видимо, нарочно создал нас такими разными. Люди вечно страдали от того, что стремление к близости с другим человеком не может реализоваться полностью. Сойтись ближе нам мешает, прежде всего, грех, но есть и еще одно: в глубине души у каждого из нас есть святейшее, чувствительнейшее место, которое рвется к близости с другим, куда дано войти лишь Богу. Никто другой не может любить нас так, как Он. Никто иной не может быть таким другом, как Он. Только с Ним могут возникнуть глубокие и близкие отношения, каких не может быть с людьми.

Это хоть раз познанное чувство близости заставляет нас искать такой же связи с людьми: если бы наши сердца не обладали глубоким интуитивным знанием Господа, мы бы не имели понятия о том, что такое близкие отношения, не стремились бы к ним, не жаждали бы их. Поэтому, когда во взаимоотношениях с самым близким и самым любимым человеком мы чувствуем определенную дистанцию, то, как ни парадоксально, понимаем, насколько ошеломляюще близко способен подойти к нам Бог.

Из глубин души

Желание близости не возникает в нас произвольно, да и не может возникнуть, как не может младенец захотеть появиться на свет. Но до него можно дорасти, а с возрастом оно будет становиться все более искренним.

Брак — это когда мы сами, добровольно решаемся взять то, что нам уже дано: мы по собственному желанию приближаемся к Богу, вступая в близкие отношения с человеком. Мы отдаем предпочтение близости, а не отчуждению; дружбе, а не одиночеству; общению, а не затворничеству; любви, а не равнодушию; жизни, а не смерти. Но этот выбор не назовешь естественным. Его помогает сделать посланное свыше чувство любви. Только с любовью можно принять столь важное решение. Но любовь и в других ситуациях позволяет людям выбирать то, что приносит им пользу, а не вред, хотя природные инстинкты подсказывают иное.

Дело в том, что естественные человеческие инстинкты никогда еще не доводили до добра, никогда не вели к истинной любви и реальной близости. Лишь поняв этот парадокс, можно по достоинству оценить брак. Если его рассматривать, как величайшее из чудес благодати, то нужно отметить: сам институт брака противоречит нашему падшему естеству. Бывает ли супружество безоблачным? Нет, и всякая проблема в нем возникает оттого, что супруги подсознательно пытаются оспорить собственный выбор — выбор, продиктованный любовью. В этом случае мы становимся похожими на человека, которому завязали глаза, подвели к краю обрыва и говорят: «Ты дома, около кровати, сделай к ней шаг — и ложись». Любовь вынуждает нас принять радикальнейшее решение, к которому без ее помощи мы не пришли бы. Ибо что естественнее для человека: жить в любви с женой (мужем) или жить одному? Любовь требует от нас сделать такой шаг, на какой просто невозможно отважиться. В это решение можно врать, но даже если и врестешь, то с чувством неохоты.

Скажем проще: в браке между людьми возникают отношения гораздо более близкие, чем им хотелось бы. В результате они получают не то, к чему стремились: чересчур близкие, чересчур интимные отношения — но других быть не может. Иногда хочется бежать от этой чрезмерной близости. Встреча двух людей растягивается на всю жизнь, ее нельзя прервать, невозможно отвлечься. Кто же изобрел такую пытку, кто решится на нее? В конце концов, даже с ближайшими друзьями мы не проводим столько времени! А вот брак заставляет нас нырнуть в эти глубокие и неизведанные воды, и в том его цель: увести нас с мелководья, из удобного мирка себялюбия в опасные и непредсказуемые глубины реальных человеческих отношений.

Но ведь это и цель истинной религии! Она должна напоминать нам о том, что Бог — не выдуманный нами истукан, не наше изобретение, не теория и не фантазия, не часть нас самих и не средство для достижения целей (как и супруг не может быть средством для достижения корыстных целей). Нет, самое странное, что невидимый Бог всегда рядом, гораздо ближе, чем мы можем себе представить. Он — реальная живая Личность, Он — истинное Существо, Которое можно узнать очень близко, с помощью Которого можно познать себя и любимого. Но можно понять и то, как этот Кто-то

отлично знает нас! Познать Господа — значит, вступить с Ним в столь близкие и тесные отношения, что брак после этого покажется лишь их бледным отражением. И все же в материальном мире брак — ближайший аналог отношений с Богом, а потому столь часто в Библии союз человека с Богом отражается в картинах брака. Христианская вера, как и брак, учит, что мы бываем самими собой лишь тогда, когда, как это ни парадоксально, заботимся о другом человеке, когда даем перед алтарем обет вечно любить его и служить ему, когда покидаем свой мирок и пускаемся в плавание по его миру. Лишь тогда из своего опыта мы узнаем: это другое существо не менее реально, чем мы сами. А потом мы начинаем любить его, как самого себя (так и Бог безмерно любит людей).

В мире существует объективная реальность. Каждый человек является объективной действительностью, и это указывает на существование высшей реальности — Бога. Если все, сотворенное Им, столь явно, столь разнообразно, то насколько же реален и отличен от видимого мира Творец? И в то же время глубокая Божья любовь становится явственнее видна, когда мы вдруг понимаем: Он в милости Своей счел нас не менее реальными, чем Себя, настолько реальными, что даровал нам Свою вечную жизнь. В Библии Господь показал: Он настолько любит человечество, что считает Себя женихом. Он хочет, чтобы мы стали Его невестой.

Драгоценная реальность

Итак, прежде всего. Бог хочет, чтобы мы научились столь же незаслуженно и безоговорочно ценить ближних — считать их столь же реальными и значительными, как и самих себя, т.е. любить их, как самих себя. Таков путь совершенства, который открывает Господь нашим сердцам. Один из самых ответственных поступков на этом пути — брак.

Ведь это не шутка — так близко соприкоснуться с чуждой тебе действительностью! Как сложно начать жить бок о бок с другим человеком! Как не просто открывать друг другу сердца и объятия, подпускать к себе другого, ценить его, уважать его права и желания (оказывается, желания есть не только у нас!). Дело в том, что подсознательно человек воспринимает окружающих как часть самого себя, а не как отдельную от себя целостную реальность, какой ощущает себя. Ему кажется, что они — менее реальны, чем он. Мы видим окружающих словно в тумане, и туман этот — наше собственное самовосприятие. Мы постоянно просеиваем других через сито своего «я». И до сознания доходит уже не действительный целостный образ другого, а какое-то компьютерное изображение — реконструкция чужой личности, основанная на составленной нами программе и наших пристрастиях. В жизни мы упорно защищаем реальность своего «я». Мало что может проскользнуть за колючую проволоку, не попавшись на зуб бульдогу нашего эго! Чтобы полностью открыться перед другим человеком, нужно пригласить его в свой внутренний тронный зал, усадить на престол своего «я», который знает тепло лишь вашего тела. Когда вы так поступите, престол вашего «я» будет поколеблен. Любовь — это землетрясение, которое перемещает центр мира из одного места в другое.

Конечно, нам в отличие от Адама не удалось почувствовать, что значит быть единственным человеком в мире. Тем не менее, большинство из нас живет так, будто мир существует лишь для него. Им хорошо знакомо чувство под названием «одиночество», их заботит проблема «лишнего человека». Можно жить среди людей и быть одиноким, лишним, ведь остальные тебе безразличны! А может быть, ты не знаешь, как проявить свое участие, как соприкоснуться с реалиями других? Но окружающие тоже хороши — навязчивы и невоспитанны! Они чего-то требуют, хотят, добиваются. Дай им волю — и наше «я» будет погребено под чужими проблемами. А незаменимых-то нет! Стоит нам уйти или умереть, как воды человечества сомкнутся над нами, будто нас и не было. Удивительно ли, что хочется убежать от своей незначительности, от навязчивых людей, от существ, которые, словно саранча, опустошают зеленые пастбища нашей души? Бежать от действительности можно лишь одним способом: вообразив, что мы — одни во всей вселенной. И вот, мы витаем в облаках, обходим прохожих, будто телеграфные столбы, смотрим им в глаза и не видим их, говорим с ними, а на деле обращаемся к себе. Окружающие — это знаки препинания, к месту поставленные в нашем длинном нудном монологе о себе.

Намеренное, но безотчетное отрицание действительности других — это, по сути, отрицание реальности Бога. Ибо люди — Божья совесть в миру, самые близкие к Нему в материальном мире существа. Лишь они, созданные по Его подобию, полнее всего свидетельствуют о Его существовании, Его тайне, Его созидательных способностях. Если человек в самом деле создан по образу Божьему, то, выходит, нет в мире ничего ближе к Богу, чем человек. Вывод напрашивается сам собой: находясь в присутствии самого подлого, низкого, гадкого представителя человечества, вы к Богу ближе, чем когда глядите на звезды или величественный закат.

Поэтому в Новом Завете нет ни слова о чарующих закатах. Стержень библейского богословия — висящий на кресте человек, а не захватывающие картины природы. Главная тема Библии — любовь, а чудеса природы (в отличие от чуда человеческих отношений, обновленных во Христе) не могут раскрыть

эту тему полностью. Нельзя по-настоящему любить рассвет. Любить можно только человека. Мы говорим: «Я люблю природу», но любовь эту не сравнить с любовью к людям и с высшей любовью к Богу. То же можно сказать и о ненависти. Невозможно ненавидеть природные явления. Даже если что-то в природе тебе не нравится, то это чувство не сравнить с презрением и отвращением, которые можно испытывать к человеку или к нашему Господу Богу.

Не стоит заблуждаться: близкие люди постоянно заставляют нас видеть в собственном сердце любовь или ненависть, которую не увидишь, созерцая самый прекрасный закат в мире. Выходит, ближние — это кусочки лакмусовой бумаги, реагирующей на состояние нашего сердца — любовь, ненависть или какое-то промежуточное чувство. Как стыдно бывает порой, как гадко! Но точность эксперимента всегда предельная. Именно поэтому каждый житель земли в глубине души испытывает неприязнь к ближнему — просто за то, что он жив. Мы недолюбливаем других потому, что являем им глубины собственного ничтожества. Их не увидишь в звездном небе, они — в глазах ближнего. Но верно и обратное: у тех, кто во Христе обрели умение любить, нелюбовь к ближним будет гораздо меньше, но все же не исчезнет... Верующего от неверующего отличает одно: умеющий любить очень четко осознает эту ужасную истину и постоянно замечает в себе «нелюбовь». Ясно ему и другое: скрытая неприязнь к ближним по сути своей — неприязнь к Богу, мы подсознательно злимся на Него за всю свою боль, за все свои неприятности. Ведь как иначе можно выразить злость на невидимого Господа, кому пожаловаться на Предвечного? До Бога мы добраться не можем и стараемся отыгаться на ближних. И получается отлично! Подумать только, у Бога есть уязвимое место, и это уязвимое место — человек! Мы не можем ударить Бога, а человека — можем! Мы не можем распять Бога, а человека — можем.

Вражда с Богом

Мы боимся и презираем окружающих, но очень важно признаться себе в том, что еще больше мы боимся и презираем Бога. Чтобы уменьшить угрозу со стороны людей, мы стараемся не видеть их, не подпускать их к себе. Аналогично мы поступаем и по отношению к Богу. Если мы сочли себя значительнее окружающих, то почему не счесть свое бытие важнее бытия Самого Бога? Даже религию можно превратить в насмешку, сделав ее искусным и безотказным способом бегства от Бога, самообожествлением. То, что начиналось с влюбленности, с искреннего и чарующего общения, легко перерастает в бесплодное себялюбие, а поклонение Богу сменяется поиском человеческого счастья. Послушание становится инструментом собственных страстей и желаний. Царство Божье можно представить в виде утопического общества, а религию сделать средством прославления человека, причем сделать очень искусно, излучая при этом благочестие.

Истинная религия начинается с признания одной главной истины: есть Бог, и это — не я. Но даже когда на человека нисходит такое озарение, оно автоматически не несет с собой веры. С него может начаться отчаянная и безумная попытка исправить положение: стать богом и сделать это под видом «религии» или «веры». Различие между религией и нерелигией — это различие между восхищением (поклонением) Богу и ревностью к Нему, между жадой богоподобия и желанием быть Богом. Религия ищет средства противодействия греху и злу — нерелигия ищет в людях сверхчеловеческие качества, которые можно противопоставить Богу. В глубине сердца лежит стремление занять Божье место (соучаствуя, тем самым, в грехе сатаны), которое может принять и форму религиозного верования, которое «самую малость» обожествляет и оправдывает этот бунт. Жажда совершенства преследует нас всю жизнь, но мы хотим совершенства, произрастающего не из любви, а из гордыни и себялюбия. Каждый втайне хочет быть идеальным, чтобы отпала потребность в других людях, а в конечном итоге, и в Самом Боге. Мы — в отчаянии от своей ограниченности, а потому мечтаем о всеисилии: мы не всеисильны, но ведь можем такими стать, если не будет того, кто сильнее! Никому и в голову не приходит прямо сформулировать тайное желание, но от этого оно не становится меньше. Вот она — мечта, определяющая ход жизни, тайный корень греха.

Но у странного желания быть Богом и обладать всем миром есть одно не менее странное свойство: если бы наши притязания оказались правомерными (т.е. если бы вы или я по-настоящему были богом и существовали изначально), то не было бы мира — мы не стали бы его создавать, как не стали бы создавать столь жалких тварей, как мы сами. Ибо если мы отворачиваемся от истинного Господа, святого и всеисильного Творца, то неужели не отвернулись бы мы с еще большей готовностью от мелких ничтожеств, каковыми являемся? Самое большое различие между единым Господом вселенной и мной заключается в следующем: если бы на Его месте был я, я ничего бы не стал созидать. Я не дал бы повода для заумных разговоров о различиях между людьми. Я бы и пальцем не шевельнул, чтобы сотворить что-нибудь стоящее. Зачем? К чему возиться со вселенной, создавать беспокойный род крошечных безмозглых существ, которые, недолго думая, плюнут в лицо своему творцу? Как-нибудь и без этого проживу! Еще дыхание на них расходовать! Вполне достаточно и того, что я — «все в себе», что я —

человечество и одновременно божество (искрометнейшее сочетание). Мне и вечности не хватит, чтобы насладиться своей безмерностью и величию!

Мы не одни

Теперь-то вы, верно, не удивляетесь, что у религии и брака есть много общего. И религия, и брак поднимают вопрос об отличиях. И в религии, и в браке мы встречаемся с кем-то, кто подобен нам, но телесно отличен от нас. И в религии, и в браке приходится погружаться (с большим риском и потерями для себя) в истоки таинства — таинства общения и чуда, называемого любовью. Это чудо живет лишь в сердце, и сердце — его родина. Учитывая наше тайное стремление отделиться от окружающих, нам важно узнать одну поразительную истину и не просто узнать, а смириться с ней и не забывать ее никогда. Истина такова: мы в мире не одни. К этому выводу нас подводят брак и истинная религия. Мы не одни — рядом люди. Мы не одни — рядом Бог. Как бы порой ни хотелось одиночества, такого удовольствия испытать не удастся. Сходство Бога и брака в том, что они никогда не оставят нас в покое. Они всегда напоминают нам: нет жизни без общения, нельзя жить только для себя — жизнью нужно делиться.

Это самое сложное: трудно не жить, а делиться жизнью! Тяжело не существовать, а общаться с другими существами! Бог вызывал нас из хаоса и небытия не просто для того, чтобы мы жили, как живут животные, но и для того, чтобы мы любили. Человек создан для того, чтобы общаться с людьми и Богом, причем общение это всегда должно строиться на любви. От этого зависит равновесие вселенной. Все творение пало из-за греха одного человека. Читая об этом событии в книге Бытия, важно отметить: грех Адама не был актом непосредственного неповиновения Богу, он был актом повиновения другому лицу. Сначала змей уговорил Еву съесть запретный плод, а потом она «дала также мужу своему, и он ел» (Быт. 3:6). Итак, женщина послушалась змея и все участники драмы тайно возроптали на Бога. Другими словами, грех случился с Адамом не тогда, когда он вел одинокую холостяцкую жизнь, а когда его жизнь усложнилась, обогатилась общением с другим человеком, когда встала необходимость выбрать между человеком и Богом. Главное в этой истории не то, что она произошла в Эдемском саду, а то, как складывались отношения между мужчиной, женщиной и змеем. Чего же человек не смог? Он не сумел жить в мире с Богом? Или же он не в силах жить рядом с другим человеком перед Богом, да еще в искушении? Это было и остается началом религии, началом нашего духовного труда. Мы грешим по отношению друг к другу: стараемся обойти ближнего, и это — грехопадение, повод повернуться спиной к Богу. Как тут оправдаться? Очень просто: слаб человек! Когда Ева появилась в мире, она не была просто Евой: для Адама она являлась единственным источником человеческого общения. Она — плоть от плоти Адамовой, взята из него. Кто из сотворенных существ мог быть ближе Адаму? Эта первичная связь между двумя живыми существами стала прообразом отношений между людьми, потом населившими землю. Дав определение этой связи, мы лучше поймем, что такое «человечество»: «...Мужчину и женщину сотворил их» (Быт. 1:27). Они представляли для Бога такую ценность, что их сотворение Он отложил на последний день, когда все остальные элементы мироздания уже находились на своих местах. Создание Евы было своего рода «дополнением», вторым этапом творения, с помощью которого Он показал нам Свою многоипостасную суть: человек не был задуман одиночкой. Человечеству надлежало быть не группой одиночек, а «одной плотью» — сложным субъектом бытия, каждая единица которого обладает собственной индивидуальностью. Люди должны были быть едины, но не терять при этом своеобразной красоты и загадочности: не хорошо быть человеку одному, ему не хватает человечества.

Адам же был один, был одиночкой. И вот появилась Ева — они превратились в расу, единое тело: лишь при этом условии Адам смог стать отражением истинной и совершенной Божьей жизни — жизни, полной любви. Таинство Святой Троицы призвано рассказать нам о том, что Бог — не одиночка, Бог — это Трое в Одном, и этих Трех связывает любовь: Он даже в глубинах Собственного естества не принадлежит Самому Себе. Он — один-единственный Господь, но существовать в вакууме одиночества Он просто не в состоянии, да и не существовал никогда, даже до сотворения мира, ибо Бог есть любовь, а любовь предполагает наличие объекта любви (т.е. нужны хотя бы два создания). Таково условие любви. Без этого не могло возникнуть понятие «разделить чью-то судьбу», а потому невозможно было и сотворение мира — этот величественный жест, с помощью которого Бог решил разделить судьбы сотворенных существ. Есть религии, объектом верований которых является «Единый Бог». Есть многобожие. Но только в христианстве отражена величавая реальность Святой Троицы, трех ипостасей, которые сосуществуют в полном согласии, оставаясь при этом Единым Богом... Лишь Бог, Который живет в согласии с Самим Собой, может призывать мужчину и женщину любить друг друга, призывать всех любить врагов своих. Лишь такой Бог способен объединить любовью все человечество. Он один — Творец, совершеннейший пример для подражания, Он — Тот, Кто стоит выше понятия личности, объединяя в Себе три ипостаси: Отца, Сына и Святого Духа.

Больное место

В браке, как и в Боге, невозможно быть эгоистом. Мы тешим себя мыслью об относительности нашей связи с миром, лелеем надежды на то, что нам все доступно. Мы надеемся, что безгрешны, что нам не нужен никто, кроме самих себя. Супружество перечеркивает все эти представления. Брак — это постоянное вторжение в твою жизнь, нескончаемая партизанская война против эгоизма, сильнейший удар по нашему тщеславию и гордыне. Он ясно показывает, что главное в жизни — отдавать. Злость, унижение, переплавка личности, наказание и очищение — вот что такое брак. Это удар в самое болезненное место, то место, которое стремится к одиночеству; это затянувшееся свидание, которое порой бывает утомительным, скучным, неприятным или горестным. Но брак зовет нас отказаться от всего ради любви.

Ведь как все получается? Сначала любовь убеждает двух людей, что их чувство — самое сильное на свете, что никто еще не любил так, как любят они, что они готовы пожертвовать всем, лишь бы быть вместе. Но потом они вступают в брак. Тут-то и предстоит доказать серьезность своих намерений. Брак — это перенос любовного чертежа в реальную жизнь, практическое осуществление величайших мечтаний, идеалов, ожиданий...

Это одно из мощнейших секретных орудий Бога, с помощью которого Он совершает переворот в сердце человека; это огневой шквал, направленный в наше самое уязвимое место, — удар по взаимоотношениям с другими людьми. Каждому ясно: мы не можем с полной самоотдачей и любовью относиться ко всем жителям земли. Это не наше дело. Это дело Бога. Но и мы несем на себе часть Божьего бремени, ибо Он выбирает для нас одного единственного человека из миллиардов, с которым нам предстоит изведать все взлеты и падения любви, достичь вершин жертвенности и самоотдачи.

Говорят, огонь развести просто — достаточно сложить горкой поленья и поджечь их. Брак же, как мы хотели показать в этой главе, тоже строится на простом принципе: нужно на всю жизнь оставить вместе мужчину и женщину. «Железо железо острит, — говорится в стихе из книги Притчей, — и человек изощряет взгляд друга своего». Лучше всего эти слова подходят к браку. И главное здесь то, что мы называли «отличием»: при странных обстоятельствах встречаются два индивидуума, которые, общаясь друг с другом, оттачивают один другого, пока не засверкает, наконец, острие Любви. Даже Бог не одиночка!

Конечно, больно, когда тебя затачивают, но в то же время это удивительно теплое, чарующее ощущение — жить бок о бок с тем, кто тверже железа, горячее огня, жарче ненависти. И ты знаешь: от этого человека никуда не деться, его не одурачить, он все равно «заточит» тебя. Любовь оттачивает весь мир, но ярче всего острие блестит, когда его точит супруга (или супруг). Ибо нас освещает свет ближнего, и в этом свете нам самим виднее, кто мы такие. Свет ярче там, где крепче любовь. Любовь крепче там, где она имеет практическое выражение, где близость между супругами безгранична.

Есть в браке один парадокс: заточка — жесткий процесс, но происходит он благодаря мягкости и нежности. Невообразимо: твое острие затачивается о мягкую, теплую любимую плоть! Лишь Бог мог замыслить такое: теплота и нежность превращают мужчину и женщину в отточенные мечи. Но несмотря на всю свою сердечность брак — это очищающий огонь и меч, которые наносят рану более глубокую и болезненную, чем стрела Купидона. Он ранит нашу гордыню — тот духовный орган, который не залечить. Встретились мужчина и женщина — рана начнет открываться все шире и шире. Господь Бог сотворил женщину из ребра мужчины и прикрыл то место плотью, а в браке Он приоткрывает это пустое место и начинает вкладывать женщину обратно. Засунуть под ребро ее, конечно, невозможно, а вот прилепить сбоку можно. Она всегда будет рядом (порой чересчур навязчиво), но станет той частью мужчины, которую он будет считать собственной территорией, членом своего тела. В браке он прилепится к женщине, а она — к нему, и они будут лнуть друг к другу, как плоть лнет к костям.

Вот так, говорит Господь, задумал я разрушить ваше обособление и одиночество, привязать вас к Себе на всю жизнь и на всю вечность кровными узами.

Любовь

Взаперти

Благодаря браку перед нами раскрывается одна из самых глубоких и величественных тайн: при вступлении в брак с нами поселяется любовь. Мы искали ее с тех пор, как подросли и вбили себе в голову, что ее нужно искать и можно найти. И вот любовь скинула свои одежды, растянулась на нашей кровати и заявила, что никуда не уйдет. Мы-то думали, что любовь — нечто иллюзорное, вечно ускользающее из рук, а оказалось наоборот. И уже не знаешь, как избавиться от того, что раньше казалось недоступным! То, что восхищало и кружило голову, теперь предстает перед нами в обыденном облике. Собака гоняется за кошкой — и философ задает вопрос: что будет, если собака кошку догонит? Так и тут. Брак ставит перед нами вопрос: что делать, если ты догнал любовь?

Точнее сказать, что делать, если любовь догнала нас... Ибо любовь — это настоящая ловушка. Любовь настолько чиста, настолько сильна! Но когда она овладевает нами, она подобна огромным железным воротам. И все. Мы — взаперти. Единственный ключик от ворот — у нашего супруга, совершенно чужого человека...

Ничего нет более сумрачного, чем темница человеческих отношений. Всякий брак в той или иной степени отдает подземельной сыростью. Вот какую шутку играет с нами любовь! Ей нравится припереть нас где-нибудь в углу. Она молниеносно лишает нас независимости, а потом стоит и смотрит: что мы будем делать? Ей нравится, когда ради нее мы рискуем головой, а потом отворачивается и говорит: сам выбирайся из ловушки! Нет на свете ничего более коварного, более холодного и расчетливого, более неувливаемого, чем любовь. Она бывает абсолютно безответственна: сбивает людей с ног, ставит весь мир на голову, причем делает это так спокойно, будто ветерок шуршит осенними листьями. Многим приходилось удивляться сущности любви, которая открылась им после брака.

Но и это имеет определенную цель, которую можно сравнить разве что с мировой революцией: все, что мы видим вокруг, преобразуется любовью. Так и было задумано. Именно потому она пользуется такой стратегией: завлекает людей, ставит их в труднейшее положение, и выход только один: любить, любить все больше и больше, стать орудиями любви, полюбить то, что сделала с ними любовь. Когда брак заключен, остается только одно — любить так, как никогда еще не любил. Иначе из него ничего хорошего не выйдет.

Айсберг

Итак, мы вступили в брак. Теперь главное — понять, что есть только один выход: нужно успокоиться и изучать любовь, стремясь узнать о ней все, что мы не знали раньше. Снова и снова любовь обливает нас холодной водой. Она терпеливо показывает, как сильно отличается от наших представлений о ней. А мы все не понимаем, никак ей не верим...

Что может быть хуже этого маленького диктатора — любви? Даже ненависть не раздражает так! По крайней мере, ненависть — чувство предсказуемое, одноплановое. А любовь — она, словно хамелеон, меняет цвета. Ей нравится ускользать из наших рук. Сначала она раздувается, чтобы казаться важной, реальной и большой, а потом съеживается и сливается с пустынным ландшафтом повседневной жизни. По крайней мере, именно так предстает она перед большинством влюбленных.

Чаще всего о любви говорят: «В ней есть свои взлеты и падения». Взлеты — когда любовь очевидна, как ясный день, велика, словно жизнь, и чуть ли не телесна. Падения — когда любовь «уходит в подполье», ее не видно и не слышно, и кажется, что ее совсем не осталось. Эти слова о взлетах и падениях кажутся такой прописной истиной, что так и хочется включить их в брачные обеты. Но там говорится иное: «в радости и печали, в богатстве и бедности...».

Жизнь, как и брак, полна неожиданностей, потому что в браке участвуют целых две жизни, которые так замысловато сплетены друг с другом, что лишь Бог, по словам Иисуса (Мк. 10:9), может разлучить их. Это хитросплетение жизней и человеческой воли настолько сложное и замысловатое, что разобраться в нем может только любовь. Хотят люди или нет — им приходится учиться любви. Стоит отвлечься на минутку, как она проскользнет в их жизнь. Любовь умеет подкрадываться как-то незаметно, возникать в такие моменты жизни, когда человек просто не в состоянии разобраться в себе самом.

Любовь, как и любая духовная реальность, то видна, то нет. Она настолько велика, что ее невозможно до конца охватить разумом и чувствами. Труд любви свершается ночью, тайно, часто под видом других чувств и так быстро, что за этим не уследишь. Когда мы видим отблеск любви, мы понимаем, что она все еще очень далеко от нас. И вдруг она пронесется мимо, ее невозможно изловить — только она сама может поймать нас. Она непредсказуема, иррациональна, она приходит свыше. Теория эволюции не объясняет, как возникла любовь. Результаты любви хорошо видны в нашей жизни, а самой любви не увидишь, ибо она, как звезда в открытом космосе: лучи ее проникают в нашу жизнь и согревают нас; она — невидимая закваска всей нашей жизни. Такова суть любви: быть невидимой и непостижимой, находиться в миллионах световых лет от нас и — быть больше нас, заставляя содрогаться от своего прикосновения. Кто может отвергнуть ее притязания? Ведь любовь, как и смерть, хочет нас целиком. Кого не пугала тень любви, проносющаяся над нами, как тень акулы над ныряльщиком? Любовь — не любовь, если она не переполняет нас, не заставляет нас цепенеть. У любви есть жало, жало смертельное. Тот, кого ужалила любовь, умирает для всего, что любил раньше. Против своего желания он может умереть для самого себя, для своей воли. Ибо его воля (если все сложится хорошо) запутается в силках, которые будут держать ее крепче крепкого. Любовь парализует волю.

Снова детство

Но нельзя говорить, что любовь лишает нас свободы. Когда влюбляешься, больше всего страшит

именно она — свобода собственного выбора: стоит принять одно-единственное решение — и ты женат. Выбор супруги или супруга — это вольный процесс, при котором мы этой свободой можем и не почувствовать. Есть такие люди, которых утешает мысль, что их женили насильно,¹ что они пошли на поводу чувств, потеряли голову и были неспособны мыслить разумно. Тем не менее, изысканные ухаживания влюбленных, рвение, с которым они перестраивают свою жизнь ради любимого, хорошо организованная свадьба указывают на то, что их действия вполне предсказуемы и целенаправленны. А вот любовь неожиданно проникает в кровь, подобно адреналину. Она бывает так сильна, что порой кажется: ее одной хватит для поддержания жизненных сил организма.

Ни для кого не секрет, что в любви есть безрассудство, захватывающая дух свобода. Но кто понимает, что безрассуднее всех влюбленный, готовый вступить в брак? Жених похож на старый паровоз, у которого внезапно выросли крылья и который старается упорхнуть от своих вагонов. Помолвка — это как начало детства: новые, неизвестные прежде вещества появляются в крови... Такое чувство, будто обретаешь новое тело, будто ты — существо, которое только что выбралось из кокона: кожа блестит и еще не совсем просохла... Мир кругом такой яркий! А незнакомое новое тело настолько чувствительно ко всему! Новорожденный ребенок не имеет самосознания, а когда вторую жизнь обретает взрослый человек — это иное: его шатает, он спотыкается. Что это выросло у него за спиной? Что приподнимает его в воздух?

Конечно, это чудесно, но и страшно: ощущаешь такую свободу, что трудно привыкнуть к ней, а потому судорожно ищешь какой-то переключатель в мозгу и сердце, чтобы перейти на автопилот, чтобы было на что потом свалить ответственность за все, сделанное в этот странный период. Ибо в любви всегда приходится принимать важнейшие и труднейшие решения, причем невозможно успокоиться, пока решение не принято. Чувствуешь себя прямо-таки пилотом тяжелого бомбардировщика, которому необходимо совершить аварийную посадку на поле! Любовь не терпит неопределенности, она требует бесповоротного решения. Ее не устраивает лишь уголок в сердце влюбленного: она хочет захватить его целиком, неустанно подталкивает его к кардинальному моменту жизни. Поэтому влюбленного не оставляет чувство неотложности, беспокойства, он понимает: необходимо все силы и чувства бросить на урегулирование создавшейся сложной ситуации, от разрешения которой зависит благополучие всей дальнейшей жизни. Ведь любовь — экстремальна. Только она способна всю жизнь человека сфокусировать в одной точке, свести ее к одному вопросу, единственному решению, сиюминутному сплаву энергий. Нет в ней ничего туманного или абстрактного — ведь абстракцию любить невозможно. Мы любим совершенно конкретную улыбку, определенный тембр голоса; никакая другая улыбка, никакой другой голос впечатления на нас не производят. Любовь всегда математически точна, ужасающе конкретна. Изучить ее можно, только полюбив. И тогда все остальное меркнет во мраке. У любви есть свой закон притяжения — тебя тянет и тянет к единому центру. В истинной любви есть элемент очевидности, озаренности, конкретности и уверенности. Стоит усомниться — как тут же сгинешь во мраке и хаосе. Но стоит поверить и принять — и исполнишься светом. Да любовь и сравнить-то не с чем! Есть ли в жизни другое решение, которое столь кардинально меняет жизнь человека, помимо выбора — любить или не любить? А раз оно принято — пути назад нет.

Проблема женитьбы — это сложнейшее решение, но, приняв его, попадаешь в еще более сложную ситуацию. Ибо величайшая новая свобода не кончается в день свадьбы (хоть это и противоречит распространенному мнению). Напротив, брак — это дверь в неограниченную свободу, а влюбленность — лишь ловушка для простаков, которая завлекает их в свободное падение истинной любви, лепное украшение на здании любви. Вступить в брак — все равно что попасть на раскаленную крышу свободы, туда, где любовь никогда не спит. Любовь по своей природе неутомима: постоянно чего-то ищет, исследует глубины, растет, стремится полностью использовать неограниченные возможности свободы. Вступить в брак — значит, не уйти с передовой любви, а наоборот, оказаться в гуще событий. В браке изо дня в день приходится принимать немислимое решение, которое принять можно, лишь витая в облаках любви, вне себя от любви, когда безоглядно веришь любимому. Брак — это не судьба, а дар, который человек волен принять, дар новой жизни.

И разве странно, что не каждый решается на такое? Силы для этого может придать только любовь, которая становится все больше и больше. В браке ежедневно приходится помнить о своем решении. Но принять его сознательно, без благодати Божьей человеку не под силу.

«Кишмет» или благодать?

Нередко задают вопрос: что такое любовь — судьба или случайность? Мы часто размышляем над тем, существует ли «одна-единственная» или «один-единственный», или при определенных обстоятельствах можно с равным успехом влюбиться в любого из целого ряда подходящих кандидатур или вообще — в кого угодно.

По недолгом размышлении станет ясно: вопрос неправильно поставлен. У нас создается впечатление, что в любви возможны два варианта, но это только теоретически. Даже если два человека от рождения предназначены друг для друга, все равно требуется целый ряд совпадений, чтобы они встретились. Однако верно и то, что каждый человек может полюбить другого в конкретных положениях. Но кто знает, предопределены ли заранее эти особые ситуации? Не будем слишком много говорить о внешних обстоятельствах, потому что главная причина этого — внутренняя. У каждого свой характер, своя жизнь, мы — сами себе обстоятельства. Выходит, что судьба и случай — это два названия одной и той же вещи. Дверь обстоятельств навесили на петли судьбы.

Как бы то ни было, величайшая загадка заключена в том, что влюбиться по собственному желанию невозможно. Ты либо влюбляешься, либо — нет, а механизм можно назвать как угодно — «кишметом» или обстоятельствами, случаем или благодатью. Даже истинная свобода не может быть порождена по воле человека — ее можно только получить в дар. У поезда любви свое расписание — он не приходит по вызовам.

Вопрос о том, случайна любовь или предопределена, имеет одну интересную особенность: его задают лишь те, кто еще не влюбились или не имеют представления о том, что такое любовь. Теоретику интересно, есть ли «где-нибудь его половинка», или же первая встречная подойдет в жены. Но тому, кто истинно влюблен, совершенно безразлично, мог бы он полюбить другую или нет. Он нашел свою Истину и другие истины ему безразличны. Для того, кто верует, и для того, кто любит, нет иной истины и иной любви.

Итак, настоящая любовь всегда судьбоносна. Она предопределена. Она подготовлена удивительным набором обстоятельств. А судьбой в мире называют Божью волю, совпадением — Божью благодать.

Лучше один раз увидеть...

Предположим, любовь каждому извечно предопределена Богом. Но значит ли это, что в ней нет ничего свежего и произвольного? Нет! Главное качество любви — то, что можно назвать «*deus ex machina*»: ощущаешь, как что-то неожиданно, мгновенно возникло рядом. Что-то совершенно новое, необычное и удивительное было моментально сотворено, и оно меняет ход твоей жизни. Мы понимаем, что любовь дана нам от Бога, потому что она всегда приходит в том обличий и при таких обстоятельствах, которые невозможно предугадать. Она берется из ниоткуда. Суть ее — чистая и вольная благодать. Она — один из удивительных путей, которыми Бог вливается в нашу жизнь. Дух захватывает от неожиданности, приходят обновление и преображение.

«Влюбиться» — значит (осознает это человек или нет), получить откровение от Бога, обрести новое видение сути вещей, по-новому понять силу и возможности жизни. Но прежде всего влюбленному предстоит решить, насколько он желает следовать открывшемуся видению. Чтобы от любви сделать шаг к супружеству — нужно много веры. Можно ли все в жизни поставить в зависимость от духовных ощущений? В благодать брака возможно войти, лишь точно уразумев себе, что такое любовь.

Совершенно очевидно: мы сами понять это не в состоянии. Такое знание приходит свыше, оно дается Богом через одного-единственного человека. И вот наступает момент, когда стоишь рядом с этим человеком, и в присутствии многих людей делаешь очень важное и значимое заявление, которое касается нового, уже совместного видения. Любовь похожа на землетрясение, а потому совершенно естественно, что мы уходим в нее целиком: даем обеты и всю свою жизнь посвящаем тому, чтобы догнать, исследовать, проверить, насладиться этим постоянно обновляющимся видением. Конечно, брак — это «эксперимент», но он будет лишен смысла, если не поставить всю свою жизнь в зависимость от его исхода. Мы клянемся друг другу в том, что ощутили нечто, заставившее нас любить друг друга, «покуда смерть не разлучит нас». Мы поднялись на гору, увидели новые земли и решили, что их стоит освоить. Если мы разлюбим еще до смерти, если в какой-то момент прервем совместное путешествие, то это значит, что мы сделали шаг назад и теперь утверждаем, что не было никакой горы и никаких новых земель, что любовь — это не всепобеждающая реальность, а пустой каприз, иллюзия, ошибка, случайное стечение обстоятельств и эмоций. Так мы потеряем и перечеркнем одно из глубочайших духовных ощущений всей жизни.

В разводе есть такая удручающая черта: теряешь не только супругу или супруга, но и собственную веру. Это происходит всегда, независимо от того, каких верований человек придерживается. Если твоя религия — себялюбие и чистейший гедонизм, она будет разрушена разводом. Распространенное мнение о том, что можно развестись и остаться друзьями, ладить после развода лучше, чем до него, — чистейшая выдумка. Если люди расстаются, значит, они неприятны друг другу, враждебны друг к другу.

И тут стоит признать, что порой развод — это меньшее из двух зол и на деле более приемлемое для Бога, чем сохранение брака, построенного на взаимных нескончаемых обидах. Бывают случаи, когда

развод можно считать удовлетворительным выходом из положения, и пары, предпочитающие сохранять беспокойный брак, должны посмотреть правде в глаза и ответить: чему они хранят верность — друг другу или институту брака? Иначе им грозит опасность повиноваться букве закона о разводе, но не духу его.

Каковы бы ни были конкретные обстоятельства, факт остается фактом: разорвать брак без серьезнейших для себя последствий невозможно. Ибо видение, которое когда-то открыла нам любовь, приятно и удивительно, и все остальное — прах и пустота по сравнению с ним. Не удивительно ли, что многие боятся любви, стараются не подпускать ее к себе близко? Мы инстинктивно знаем, что любовь похожа на пламенного революционера, в голове у которого дичайшие планы светлого будущего, или на опасного идеалиста, который ничего лучше не придумал, как схватить нас за рукав и трясти, пока не перевернутся все прежние представления о жизни, не преобразится наше сердце и не появится новый стимул к жизни. Стоит на секунду поддаться этой силе, как она повалит тебя. Положи ей палец в рот, и она откусит всю руку, и произойдет это в мгновение ока, вспышкой молнии.

Бить «эго» на его же территории

Именно поэтому супружество является таким удивительным предприятием: оно обладает гораздо большей силой, чем все внешние обстоятельства, и может полностью изменить течение жизни. Порой люди, вступая в брак, думают, что им удастся остаться самими собой или же измениться чуть-чуть, причем все изменения будут им подконтрольны и предсказуемы. Таким супругам придется плохо: когда начнется трудный и нескончаемый процесс перемен, они будут сопротивляться ему всеми силами и отказываться двинуться с места, в их жизни начнется полный сумбур, переворачивающий все удобное и привычное.

Даже при наилучшем стечении обстоятельств брак — один из крупнейших кризисов жизни, и об этом лучше знать заранее. Это может быть «здоровый, увлекательный и конструктивный кризис» или разрушительный кошмар — все зависит от готовности супругов к переменам, от их уступчивости. Но, по иронии судьбы, даже самые жесткие, черствые и не подходящие для этого дела люди бросаются в объятия брака и наивно отдаются на милость двум преобразующим: любви человека и милостивой Божьей любви. Так что будьте готовы к переменам, ошеломляющим и революционным преобразованиям в своей судьбе.

Можно назвать лишь одно событие в жизни, которое производит в человеке подобные масштабные изменения — это обращение к Богу. Говоря о любви и браке, нужно помнить, что мы имеем дело с событием именно такого размаха. Вступить в брак — это не просто поселиться вместе с тем, с кем проводишь время. Нет, с первого шага начинается цепная реакция: трудности следуют за трудностями, решения за решениями, перемены за переменами, происходят личные катаклизмы, которые не только изменяют нас до неузнаваемости, но в чем-то подобны обращению к Богу. Так и должно быть. Любовь — мощнейшая из всех сил, и неудивительно, что самые острые в жизни ощущения несет именно она: любовь к Богу и супругу. По преобразовательной силе любовь не сравнить ни с волшебством, ни с заговором, ни с наркотиком, ни с пыткой. Она — величайший из всех учителей, ибо нет более сильной власти, более гипнотической силы, более мудрого совета, более радостной вести; нет иного хозяина, которому хотелось бы повиноваться с большим усердием. Когда любовь стучится в двери, кто не бросит всех дел и не побежит открывать? Даже если мы не можем отворить, мы все равно станем подслушивать у двери и подглядывать в замочную скважину, прося ее не уходить, не оставлять нас. Втайне мы будем молить ее разрушить наши защитные механизмы, погрузить нас в свой славный свет.

Всем интересны коллизии любовных романов, хочется знать, как люди влюбляются, как меняют свою жизнь. Это не менее любопытно, чем рассказы о Божьих откровениях и обращении к Богу. Кроме того, занимательна тема войны, но она уступает в популярности любви, ибо война — это массовое истребление жизни, в то время как любовь — гимн жизни — уничтожает нечто более сильное и менее податливое: наше эго. Любовь — духовная битва. Людские тела крушить несложно: плоть податлива, легко истекает кровью. А найти уязвимое место своего внутреннего «я», как делает любовь, прогнать гордыню — вот это задача!

Как же это получается у любви? Как ей снова и снова удается вырывать людей из уютной тьмы себялюбия и переносить их в мир смирения? Могу предложить одно объяснение, погрешив при этом упрощенческим подходом: любовь бьет эго на его же территории. Она — единственное чувство, которое возникает не как ответная реакция, а само по себе. Выходит, что любовь — это естественный природный эгоизм, чистейшее проявление собственного «я», единственное состояние, в котором может существовать это «я». Когда незаконное «я», которое подпитывается гордыней и амбициями, сталкивается с чем-то истинным, оно не может выжить. Оно, наконец, находит то, к чему так стремилось, его сокрушает чувство стыда, радости, облегчения. Оно больше не боится затеряться, так как только что нашлось.

Любовь побеждает эгоизм, потому что делает ненужным само понятие собственного «я» или, по крайней мере, полностью изменяет наше представление об этом «я». Ибо лишь волшебная сила любви может убедительно показать, что истинной цели собственного «я» — полной независимости — можно добиться, только следуя по пути абсолютного самопожертвования. Лишь любовь самодостаточна, лишь она ничего не теряет, когда растрчивает себя, так как отдавать себя — суть любви. Только любовь обладает такой силой и уверенностью в себе, что никогда не отступает даже перед злейшими врагами. Она остается в одиночестве, потому что все остальное уже раздала.

Любовь нападает на гордыню, уничтожает ее, причем делает это гениально просто: когда приходит любовь — отпадает нужда в гордыне. Любовь создает чувство полной защищенности и безопасности, и мы с легкостью отказываемся от всех ухищрений, на которые нас толкает жажда самоутверждения. Да и к чему самоутверждаться, когда тебя любят бескорыстно и преданно, любят не за достоинства, а несмотря на недостатки; когда твое «я» знает: оно нравится, и желать больше нечего, не надо ничего требовать, не надо завоевывать любовь. Пока наше «я» борется за чью-то любовь, само оно любить не может. Нужно понять: чужой любви нельзя добиться. Откуда взять сил для любви? Ты силен, когда понимаешь, что тебя любят. Нельзя полюбить усилием воли, полюбить можно, только когда тебя любят. Поэтому самые крепкие браки и самые глубокие отношения с Богом складываются тогда, когда люди совершают открытие: заработать любовь нельзя, как нельзя потерять ее по собственному желанию, как нельзя противостоять ей. Это настоящее религиозное пробуждение. Оно коренным образом отличается от всех остальных религиозных чувствований, — какими бы высокодуховными они ни были — тем, что человек находит собственное «я», ощутив, что его любят. «О, ты прекрасна, возлюбленная моя, ты прекрасна!» — слова из главы 4 Песни Песней. «Пленила ты сердце мое одним взглядом очей твоих». Это слова Самого Бога, обращенные к человеческой душе.

Письмена на сердце

Помнит ли мужчина, как он в первый раз держал в своих объятиях женщину, которая потом стала его женой, и услышал от нее слово «люблю»? Понял ли он тогда это? Осмелился ли понять? Постиг ли он тогда, что слова эти — не только от женщины, но и от Господа? Почувствовал ли, что это Сам Бог говорит ему о любви? Что это Сам Бог хочет ободрить его, сказав, что не стыдно быть самим собой? Человек несовершенен, а любовь Божья к нему — совершенна, так чего еще нужно? Когда мужчина и женщина влюбляются друг в друга, они по-новому ощущают Божью любовь. Человеческая любовь — это самый яркий знак того, что Бог нас любит, потому что всякий истинно любящий любит Господа и всякий истинно любимый любим Господом.

Любовь между мужем и женой — это соучастие в Господней любви к человечеству. Всякий, кто вкусил супружескую любовь, может, проходя по улицам, вглядываться в лица прохожих и представлять себе, что каждого из них, наверное, свято и самозабвенно любят. Любой незнакомец занимает место в чьем-то сердце, он так же непохож на других и интересен, как ваша жена или ваш муж. Когда человек любит и, особенно, когда любят его, ему начинают нравиться окружающие.

Вот какой освободительной силой обладает любовь, а потому, напоминая друг другу об этом чувстве, муж и жена увеличивают свою радость. Одна из важнейших задач каждой супружеской пары — говорить друг другу о любви. Это напоминание о Божьей любви. Это не всегда приятно, не всегда легко. Порой жена говорит: «Я люблю тебя», а мужу не хочется слышать этих слов. Может быть, он сильно устал и не хочет думать об их значении. Он не в состоянии отказаться от занятий, которые мешают любви. У него нет ни времени, ни сил ответить на любовь. Ему не до любви — у него полно дел. Пусть все кругом любят друг друга, а у него не то настроение!

Но несмотря на сопротивление слова о любви очень важны. Нужно, чтобы они были сказаны — громко, как бы ни было трудно их произносить и слушать. Необходимо, чтобы они были услышаны. Какое несравненное чувство испытываешь, когда любовь, будто слезы, вскипает внутри, когда вдруг осознаешь красоту и благодать супруги (супруга), когда вдруг понимаешь, как она (он) тебе дорога (дорог). Следует говорить о любви и тогда, когда не можешь сдержать чувств, и тогда, когда сдержать их можешь, когда не хочешь говорить или когда слова застревают в горле, как рыбная кость. Нужнее всего говорить их, когда ты зол или обижен, когда проступает та или иная человеческая слабость. В такую минуту слова «Я люблю тебя» звучат как просьба о прощении, как признание собственных ошибок. Они неожиданно, громкоподобно, явственно и невинно срываются с губ на удивление не только слушающему, но и говорящему. Ибо помимо красоты и благодати настоящую любовь посещает и грех, а в словах любви поражает прежде всего то, что несмотря на происшедшее они порождены истинной любовью, а потому всегда истинны, всегда новы и неожиданны.

Конечно же, бывают минуты, когда слова «Я люблю» звучат натянуто, искусственно, неискренне, кажутся фальшивыми. Но на самом деле слова любви — вещь удивительная: это исповедь души, и их

нельзя говорить несерьезно. Быть в такие минуты неискренним — значит, лгать себе, обвинять самого себя. Это серьезный симптом. Стоит немного поразмыслить, и увидишь: жизнь верующего без этих слов невозможна. Но они должны соответствовать своему значению. Они могут казаться пустыми, но при произнесении наполняются смыслом, жизнью и глубиной. Не так ли происходит во время молитвы, когда мы говорим Богу о своей любви? Слова — мертвы и пусты, пока не наполнятся смыслом, а это возможно, если произносить их от чистого сердца. Но и тогда требуется постоянное подтверждение их истинности: только так до нас дойдет их суть, окутает, будто туман, прольется к корням, как дождевая влага. Язык — как ручка, на которую нужно посильнее нажать, и она будет писать прямо на сердце (хорошее или дурное).

Невинность человечества

Итак, нужно учиться любить устами и голосом, равно как глазами и плотью, сердцем и разумом. Нет в нас такого органа, который неспособен любить, который не призван любить, который не желал бы преобразиться и стать самой любовью. Любовь — это бесценное сокровище, которое остается, когда сгорает эгоизм.

Любовь — не просто подготовка к вечной жизни: это и есть вечная жизнь. Только ее нам будет разрешено взять в Царство Божье. Даже брак останется на земле: «Ибо, когда из мертвых воскреснут, тогда не будут ни жениться, ни замуж выходить, но будут, как Ангелы на небесах» (Мк. 12:25). Но каков бы ни был конец брака как общественного института, можно быть уверенным: любовь, расцветшая в браке, не исчезнет. Ни капли доверия, терпения, взаимопонимания и самоотдачи, которые обретут супруги в браке на земле, не исчезнет в Царстве Божьем. Все эти качества понадобятся им, будет нужен каждый грамм любви.

Но как может выжить супружеская любовь, если самого супружества не будет? Значит, муж и жена не воссоединятся в вечности? Трудно вообразить рай, в котором любящие не найдут друг друга, или найдут и не признают, если пропадет ассоциативная связь между объектом и чувством любви. Напротив, мы верим, что христианская любовь не абстрактна, а конкретна, т.е. привязана к личности любимого. Мы верим, что абстракция не может быть предметом высшей любви, любить можно только конкретную личность. Почему же в раю не будет брака?

Читая описания свадеб в Библии, видишь, что Иисус хотел нам сказать: на Небесах нас не ожидает безбрачие. Даже в земном браке можно найти намеки на то, что на небесах всех людей будет объединять какой-то всеобщий брак, каждый будет любить всех, испытывая при этом такое переживание, которое иначе, как влюбленностью, не назовешь. Такое чувство заставляет супругов идти вместе по жизни. В этом отношении христианская супружеская любовь очень близка (или, по крайней мере, должна быть близка) к ощущениям, которые мы будем испытывать в раю, это кусочек рая на земле, остатки Эдемского сада. Брак — это то, что, как сказано в молитвеннике англиканской церкви, «установлено со времен невинности человечества».

Близость

Двое в одном

Супружество — это теснейшая связь между двумя людьми, по крайней мере, его первоначальный замысел был именно таков. Брак предполагался как уникальное беспрецедентное явление. Своим размахом и кардинальностью он должен был превосходить все остальные формы человеческих отношений, любой другой завет, который могли бы заключить двое людей. Дружбу, отношения родителей с детьми, учителей с учениками нельзя сравнить с любовью. Ни в каких других отношениях нет такого равенства партнеров, такого постоянства, элемента совместного проживания, половых отношений, невозможно установление родства благодаря нескольким произнесенным словам обета. Как было задумано, брак — это союз, глава всем союзам, первое и последнее слово в человеческой близости. С общественной, юридической, физической, эмоциональной и прочих точек зрения нет иного такого средства достижения близости с другим человеком, да никогда и не было.

Но за такую близость приходится платить и платить собственным «я». Каждый, вступающий в брак, рано или поздно поражался размеру платы, ужасающему неудобству вещи, называемой близостью, которая входит в жизнь супругов. Очень часто во время церемонии бракосочетания жених и невеста зажигают по свече, потом от своих двух свечей одновременно зажигают третью, а свои — гасят. Трогательная простота этого обряда мало напоминает то, с чем им предстоит столкнуться в повседневной жизни: там две личности постепенно сливаются в одну. В действительности им приходится гасить не слабое пламя свечи, а огонь самоволия и независимости. Таким образом, брак — это целенаправленное выживание собственного «я». Вся жизнь — так или иначе — смиряет нас. Но нет более сильного ощущения, чем когда тебя смиряет другой человек — изо дня в день, один и тот же. Это — усталость, нервозность, отчаяние. Нет сильнее страдания, чем страдание, порожденное постоянной близостью

другого человека. Но нет большей радости и большего утешения, чем то, которое можно найти в этой близости. Радость и утешение струятся из брака, как вино из виноградного пресса, а когда в брак добавлены флюиды двух людей, живущих рядом, — он играет.

Что случается с двумя людьми, когда они влюбляются друг в друга, когда попадают в «виноградный пресс» близости? Колени подкашиваются, земля уходит из-под ног, исчезает вселенная и личный мир каждого из них. Независимо от своих желаний человек, влюбившись, обновляется. Бывает так, что, постояв с кем-то пять минут в одной очереди и не обменявшись при этом ни словом, все равно неловко и загадочно входишь в его жизнь, испытываешь на себе его влияние, поддаешься множеству многообразных воздействий — подсознательных и малоизученных, но, тем не менее, реально существующих. В браке есть то же самое неисследованное притяжение, только достигшее огромной силы. Большая близость, нежели в браке, невозможна!

Но это происходит (символически и реально) при рождении ребенка! В конце концов, родители умрут, а ребенок останется, как живое знамение невысказанной глубины родительского союза. Двое стали одним: «Но не сделал ли того же один, и в нем пребывал превосходный дух? что же сделал этот один? он желал получить от Бога потомство» (Мал. 2:15).

Неизведанные дали

Супруги — как космонавты. Они отправляются исследовать неизведанное, да и сами постоянно находятся как бы в условиях нескончаемого эксперимента. Они изучают тонкости человеческих отношений. В атмосфере близости полно необычного, много взлетов и падений. Супруг — это профессия повышенного риска, беспокойная и опасная работа. Но супруги (в отличие от космонавтов) получают не столь видимую и значительную награду. В их честь не устраивают торжественных приемов, причем большинство супружеских пар даже избегает всего того, за что их стоило бы наградить. Например, они стараются не тратить время на общение друг с другом, так как считают, что это пустая трата. Прошел год семейной жизни, и только диву даешься: куда же исчезли долгие разговоры, пристальные взгляды друг на друга? Гораздо больше сил супруги начинают расходовать на другое: на друзей, общественную работу, карьеру, воспитание детей (в Божьем страхе или наоборот). Они делают все, что угодно, и забывают о том, что составляет основу брака. Какая польза от непрерывного и систематического вторжения в личную жизнь другого? Но оказывается, это — сердце и душа, «ракетное топливо» доброго брака! Везде, во всем обществе воздвигнуты заборы, стены, системы защиты против незаконного вторжения в личную жизнь. Но в браке все встает с ног на голову. Стены рушатся, мужчина и женщина живут под одной крышей и спят под одним одеялом. Их жизнь — открытая книга для супруга, каждый изучает жизнь другого и старается участвовать в ней. И при этом нет никакой заранее оговоренной процедуры действий, нет формальностей. Мужчина и женщина видят друг друга в обыденной жизни: у нее на голове — бигуди, у него в руках — газета, но при этом они должны еще общаться друг с другом. Общение — вот цель и предназначение брака. Время от времени люди старались выдумать другие цели супружества, пытались как-то избежать этой — главной. Но факт остается фактом: брак строится на слиянии душ, и препятствий тут быть не должно. Нет учебников по браку, нет закона, определяющего правила поведения в браке. Закон один — любовь.

Так что, каким бы упорядоченным, заформализованным и традиционным институтом ни казался нам брак — это одна из самых спонтанных, неизвестных и непредсказуемых форм человеческих отношений. Брак — это открытый космос, неизведанные дали. На первый взгляд, он — лишь один из винтиков в общественном устройстве, но, если присмотреться, он — самое серьезное, самое постоянное, самое необходимое и самое авантюрное, что есть в обществе. Именно «ячейка общества», скрепленная словами простых, но в то же время необычных и бесповоротных клятв, — сердце общества, которое невозможно без института брака. Кроме этих странных пар из мужчины и женщины, которые умерли друг ради друга в любви (признают они сами это или нет), все остальное в человечестве — преходящее.

Уничтожить брак — то же, что уничтожить законы физики: если две элементарные частицы перестанут притягиваться друг к другу, то ни материя, ни вселенная не смогут существовать. Все строится на взаимности, и брак — крайнее выражение людской взаимности, тайная соединяющая сила человеческих отношений, определяющая все остальные связи между членами общества. Это самая малочисленная организация — в ней никогда не бывает больше двух членов, — но, если бы во всем мире осталась лишь одна такая организация, ее значимость сохранилась бы. Я верю, что эта пара стала бы известнее, чем Шекспир, Мартин Лютер, Папа римский или человек, которому сделали пересадку мозга. Но браков — как звезд на небе, и такая многочисленность не умаляет их значения. Клубы, товарищества, коммуны, ассоциации

— все они существуют по схеме брака, но каждый вид общественного объединения отражает лишь один из аспектов брака.

Супружество — это праздник, посвященный появлению истинной, долгой и реальной связи между двумя людьми. Нигде больше (ни в бизнесе, ни в политике, ни даже в дружбе) не происходит добровольного формирования реальных и действенных связей между людьми, связей постоянных, но в то же время простых и незамысловатых. Брак — самое простое и (что бы про него ни говорила статистика) самое прочное воплощение мечты человечества об идеальном утопическом обществе. Добрый брак ближе всего на земле стоит к идеалу мира и согласия между людьми. Это — знак, духовная, общественная и политическая модель крепкой любви, долготерпения, всепрощения, которые встречаются и в других сферах жизни. На свадебном пиру каждый раз вспоминаешь об идеалах и надеждах человечества. Брак — это обращение к миру, призыв к братству и любви. Я не говорю, что на земле возможно утопическое идеальное общество, но люди инстинктивно чувствуют, что брак — это шаг в нужном направлении, что вселенского мира можно достичь, если людей объединят любовь, верность и самопожертвование, которые являются основой доброго брака. Брак — это лаборатория, обязательное условие существования любви и братства между людьми.

Именно поэтому хорошие браки — основа общества. Это семена или ячейки, которые указывают путь к величайшей человеческой мечте — миру Утопии, которая сама по себе — мечта о Царстве Божьем. Конечно же, предвестник Царства — Церковь. Но даже в ней преданность одного человека другому не выражается в столь практичной и всеобъемлющей форме, не имеет такой глубины, вещественности, силы и постоянства, как в браке.

Брак, основанный на любви

Мир любит свадьбы, а к самому супружеству относится с сомнением. Общество чувствует необходимость в браке, а потому всячески старается сохранять этот институт и укреплять его; но в то же время понимает, что он — могучее оружие для продвижения Царства Божьего, что он подразумевает такую близость, которой мир боится и сторонится. Мир не устроен для общения, наоборот, это место уединения. Мир боится боли, честности, смирения, без которых невозможны тесные человеческие отношения. В результате, общество лезет из кожи вон, но не для того, чтобы приспособиться к браку, а для того, чтобы «укротить» его, подмять под себя, превратить в формальность, преуменьшить его значение, насмеяться над ним, лишит его присущей ему пугающей силы. Так что во все века существования человечества брак был в опасности — ему грозило стать игрушкой в руках политиков и эгоистов, выполнять несвойственные ему задачи. Браки по расчету существовали всегда. Были супружества, основанные на взаимной выгоде, и браки, организованные свахами. Общество признавало этот институт, считало его правильным шагом, средством добиться более высокого положения, удобств, богатства, власти, связей. С другой стороны, брак обесценивался — его излишне идеализировали или говорили, что это — узаконенный секс; к обетам относились то с излишней легкостью, то с чрезмерным формализмом. Мало-помалу стереотипы жены и мужа стали притчей во языцех — персонажами анекдотов.

В наше время существует еще одна тенденция — браки становятся более жизнеспособными, более целостными. Несмотря на свободомыслие западной культуры о близости супругов говорят как никогда много. Прежде и речи не было о столь тесном сплетении индивидуальностей в браке. Никогда раньше не заявляли столь единогласно, что основа брака — любовь. Сегодня во многих кругах браки по расчету просто немыслимы, но в то же время никогда раньше не признавали «расхождение характеров» веской причиной для развода. Выходит, браки распадаются, но значение брака растет, увеличиваются его ценности, а те пары, которые остаются вместе, находятся перед лицом новой трудной задачи: углублять взаимное общение между людьми. Время идет, на брак все чаще смотрят, как на совершенно уникальное явление, как на союз мужчины и женщины, в котором самая главная ценность — любовь, а мерило «успеха» — степень близости между супругами. Нет другого института на земле (включая и церковь), который ставил бы перед собой столь высокие задачи, облеченные в такую практическую форму: который был бы всецело основан на близости двух любящих сердец. Все остальное может существовать без любви, а вот брак без близости (хотя такое и водилось в прежние века) стал чуть ли не синонимом ада.

Истина о близости в браке не нова. Во всех культурах, у всех народов было известно, что Божий план — это моногамный брак, основанный на любви. Если в ветхозаветные времена и существовала полигамия, то Богу она не была угодна, как не доставляли Ему удовольствия войны, которые Он Сам заповедовал вести израильтянам. Воля Божья одно, а Его желание — другое. Если отталкиваться от этого утверждения, то станет ясно: полигамия в Библии была лишь временной мерой, неизбежным злом, разрешенным ради большего блага, каким, возможно, являлись более высокие темпы воспроизводства населения: многочисленность израильтян помогла им выжить среди языческих народов. В любом случае, в основе брака, согласно Библии, лежит моногамная любовь, близость между двумя супругами. Так было

в Эдемском саду, где кроме Адама и Евы не было никого. Так было с Авраамом (который был гораздо ближе своей первой жене Сарре, чем Агари). Так было и с многоженцем Ровоамом, о котором сказано: «И любил Ровоам Мааху, дочь Авессалома, более всех жен и наложниц своих» (2 Пар. 11:21).

Бежать некуда

Сегодня общество много внимания уделяет браку, а супруги сталкиваются с проблемами совершенно иного порядка: разрывов и разводов нынче больше, чем когда бы то ни было, и все потому, что близость стала играть в браке более значительную роль. Как ни странно, но именно кризис института брака демонстрирует его жизнеспособность, его здоровое начало и, в конечном итоге, помогает приблизить брак к тому идеалу, который определил Бог. Устоять брак может только благодаря любви. Любовь — единственная причина и единственное оправдание существования брака. Правда и то, что супругам негде спрятаться друг от друга — избежать требований брака невозможно. Что же происходит? История показывает: институт брака оправдывает и благословляет не всякая любовь, а только Христова. Господь соединяет людей и удерживает их вместе, они сами на это неспособны, не поможет случай, не объединит никакая сила. Он — Господь брака, у Него — ключи от брака. Именно этот урок никак не дается миру: если в браке человек не может отречься от себя во имя любви и прежде всего во имя любви к Богу, то брак не устоит! Быть супругом в наши дни — высокое призвание.

И вот безбожники толпами бегут от брака. Какая обычная картина: мужчина и женщина терзают свои жизни, рвут одну любовь за другой. Если когда-то и была стабильность в светском браке, то теперь она практически исчезла. Брачные обеты нужны были для того, чтобы два человека прекратили растрачивать энергию в ухаживаниях, перестали испытывать сексуальный голод, закончили утомительный поиск «принца» или «принцессы». Но вот значение брака падает, и люди начинают тратить много времени на удовлетворение своих прихотей! Они только и говорят, что о сложности взаимоотношений; они не чувствуют в браке стабильности, не доверяют друг другу. Вместо того, чтобы набираться мудрости и зрелости в общении с одним партнером, они перечитывают десятки раз первую страницу букваря, повторяя одну и ту же ошибку с каждым новым любовником или любовницей. Каков результат? Развод — гораздо более типичная развязка, чем долгая совместная жизнь. Сегодня муж чаще страдает не из-за смерти жены, а оттого, что она его оставила. Психологи говорят: развод или разрыв — более серьезная травма для психики, чем смерть супруга. После развода горюют дольше и сильнее, чем после смерти супруга, тут же стараются найти утешение в другой связи или лелеют мечты о воссоединении.

Помните, что сказал Иисус о разводе? Ученики пришли к выводу: «...если такова обязанность человека к жене, то лучше не жениться» (Мф. 19:10). Сегодня не часто увидишь, чтобы Господь на месте казнил грешников или приказывал целому народу восстать против них. Очевидно другое: людей снедает внутренняя потребность в близости, их мучает сама невозможность обрести ее. Так что чаша Божьего гнева изливается сегодня благодаря нерушимости института брака. Никогда раньше не распадалось так много семей, но сам институт брака остается незыблемым. Сегодня он — выше и чище: требования чистоты брака слышатся все громче, все больше говорят о жертвенной любви. Библейский идеал супружества — это эталон, по сравнению с которым видны недостатки современного общества, грех и развращенность человеческих сердец: ведь не часто увидишь в миру истинную близость!

Открытие и разоблачение

Брак для человека все равно, что монотеизм для богословия. Это — решение перейти Рубикон, сжечь за собой все мосты, отрезать себе путь к отступлению. Оно требует высокого, чистого и полного самоотречения. Как иначе допустить веру в каждый уголок своей души? На уровне человеческих взаимоотношений есть лишь один жест доверия, который можно приравнять к упомянутому: это решение довериться другому человеку настолько, что не пожалеть ради него своей жизни.

Подумайте о том огромном влиянии, которое оказывает брак на все поступки человека — хорошие и дурные. По оценкам ученых, только пять процентов всех браков можно назвать истинно счастливыми, тогда как в остальных мысль об «ужасной ошибке» не покидает супругов. Неудачный брак — это самое неприятное в жизни. Хуже может быть только дурное богословие, т.е. неудачный брак с Богом. В обоих случаях ставки высоки, потому что на карту поставлено самое дорогое, что есть у каждого: любовь, доверие, верность. В браке и вере проверяются постоянство, преданность, способность уповать на супруга. Одно предательство может разрушить семью, уничтожить все доброе, что существовало в ней. Если нет глубокой и крепкой веры в единого всемогущего Отца, Чья любовь совершенна, то откуда взяться прочной супружеской любви? В эпоху религиозного синкретизма именно отсутствие веры губит большинство браков. Можно сказать и наоборот: если мы не можем хранить верность одному-единственному человеку, то как остаться преданным невидимому Богу? Самое большое, на что способен человек, — верить и любить. Но и вера, и любовь живут, если есть ничем не омраченная

близость с предметом любви и веры. Другими словами, не существует любви без прочных отношений с объектом любви, а что может быть ближе заветных взаимоотношений? Ведь это — всеохватная, добровольная, нерушимая связь между двумя сердцами.

Христианство и брак невозможны без этой заветной близости, без полной откровенности с другим, без абсолютного растворения в другом. Человек может затеряться в пантеоне богов, и, чтобы обрести себя, есть один путь — обратиться к Господу. Кроме того, если даже в трудную минуту не отворачиваешься от супруга, то начинаешь лучше относиться и к себе. Чем ближе к нам блистающий и таинственный мир другого человека, тем виднее ему мир наш. Мы видим себя в других, причем не такими, какими хотели бы увидеть, а такими, какие мы есть. А если отойти от своего зеркала и искать себя в чужих зеркалах, стараясь выбрать то, где выглядишь красивее, то добра не жди, знай: ты бежишь от правды о себе. Брак и христианскую веру объединяет одна общая черта: постоянно приходится жить в лучах чужой совести, быть под наблюдением второй пары глаз. Как мы боимся осуждения! Как опасаемся оказаться в свете прожектора! Страшно все время находиться в присутствии Бога или другого человека. Уйдя из родительского дома, мы считаем, что избежали надзора. Нас некому больше воспитывать, мы вступили в новый неизведанный мир взрослой жизни, мы пьянеем от ощущения собственной неподотчетности и свободы. Но брак, оказывается, и в грош не ставит такую независимость. Не признает ее и наш Отец — Бог. Главное в христианстве, как и в браке, — зависимость. Истинной близости без взаимной зависимости не бывает. Она возможна только при условии нравственной открытости и зависимости. Близость, без которой жизнь холодна и одинока, бесцельна и непроглядна, — это обоюдное познание и взаимораскрывание. Мы очень любопытны: нам не терпится что-нибудь узнать о других, выяснить чужие тайны. Но это невозможно, пока мы сами не смиримся, не дадим познать себя, не раскроемся в собственной глупости и гордыни, хрупкости и греховности.

Кому хочется столь пристального внимания к себе? Кто желает распахнуться перед другим? Но в этом — суть брака. В браке человек лишается последнего укрытия. О нем теперь известно все: как он спит, когда ест, когда лицемерит и лжет, что думает и чувствует. Где бы у мужа ни вскочил прыщ, жена узнает об этом... Но узнает только жена. То же произойдет, если какое-то темное пятнышко образуется в его душе. Супруги не играют в прятки. Брак — это луч прожектора, это пристальное внимание со стороны супруги или супруга... Таким же вниманием не оставляет супругов и Господь. Брак — это высшая степень обнаженности, незащитности, близости. Это простая, неприкрашенная истина, связывающая двух людей, истина во всем и любой ценой. Чтобы она укоренилась, нужно вынести боль, испытать неудобство, но без нее нельзя: о ней необходимо заботиться, ее следует возвращать. Брак — это таинство «открытости», высшее средство познания друг друга. Есть поговорка: «Хуже всех нас знает жена (или муж)». Но она верна только для неудачных браков.

Броня достоинства

Значит, неприятна и непривычна не близость, а скорее, нравственное осуждение, которое приходит с этой близостью. Люди жаждут быть ближе друг к другу, но их отталкивает грех, который тут же становится очевиден: выходит из подполья эгоизм, заметнее становится наше ничтожество, проявляется какое-то чудовищное «я», которое изо всех сил старается начать жить своей жизнью.

Конечно, только Бог может внушить людям странное желание знать о себе всю правду. Только Он может дать силу и храбрость открыться друг перед другом. Как Он это делает? Как ухитрится засунуть нам в рот горькую пилюлю в оболочке из страстного желания и решимости? Одна из оболочек пилюли — таинство, называемое любовью, единственная вещь на небесах и под небесами, способная защитить нас от страха перед истиной о самих себе. Такова и Божья любовь: это броня прощения, примирения, в которую мы облакаем свое тленное естество, броня собственного достоинства, скрывающая наше ничтожество. В определенном смысле Божья любовь придает нам храбрости, чтобы жить, зная о своем грехе; жить, точно осознавая, кто мы и какие мы. Это невыносимое знание собственного «я» мы потом меняем на другое — знание Господа и, превыше всего, знание Его спасительной силы, даруемой через любовь Его Сына Иисуса Христа. Это и означает «облечься во Христа»: обрести Его силу, чистоту и благость и признать, что у нас этих качеств нет. Только таким образом достижимо полное преобразование характера — исключительно через близость с Богом во Христе.

Так же обстоит дело и в браке: Господь сближает мужчину и женщину, объединяя их в интимнейший союз с помощью любви. Любовь — это единственное, что может защитить их на трудном пути самопознания. Каждому хочется постичь себя и каждый боится этого. Страх перед самопознанием может победить только любовь. Лишь она может уничтожить постоянную угрозу осуждения и отвержения, которая нависает над всеми. Кажется, люди просто не могут не осуждать друг друга, а в браке осуждение бывает настолько велико, что избавиться от него можно лишь одним способом: простить друг другу недостатки, набраться храбрости и увидеть собственные грехи, победить их и

заполнить освободившееся место любовью. Лишь тогда возможно полное преобразование и преображение характера: каждый будет вбирать в себя положительные качества супруга и прощать отрицательные. Супруги станут броней друг для друга, силой и достоинством друг друга.

Процесс поиска и открытия другого человека — это одновременно и процесс отрицания себя. Конечно, не личности, не собственного «я», а ложного себялюбивого «я». Бог присутствует в мире через людей: когда мы приближаемся близко к человеку, то при этом добровольно входим в «геенну огненную» его осуждения и явственно видим свой эгоизм. Это помогает бороться с ним. Выходит, близость — это очищающий огонь, такого жара не вынести, если не уверен, что тебя любят. А уверенность можно приобрести только одной ценой — ценой верности, полной преданности.

Выходит, что мы «получаем» другого, отдавая взамен себя, завоевываем его ценой самораскрытия и самоуничтожения, как и Христос искупил нас, страстно и мучительно обнаружив глубины Божьей любви, вознеся тело Свое на крест.

Обрести и хранить

Итак, мы обрели человека ценой своего сердца, и теперь можно сказать, что мы им владеем. В современном мире обладание супругом считается чуть ли не величайшим грехом. Но возможен ли без этого истинный брак? Даже в брачных обетах есть замечательные слова о том, что мы «облетаем и обладаем». Павел писал: «Жена не властна над своим телом, но муж; равно и муж не властен над своим телом, но жена» (1 Кор. 7:4). Здесь имеется в виду физическая близость, но ведь и владелец земли имеет особые права на свою землю. Физическая близость доказывает, что в семье присутствует что-то более глубокое, ибо в браке отдаешь мужу или жене не только тело, но и сердце. Одно сердце отдается в обмен на другое, в обоюдном обладании — глубочайшее и бесповоротное выражение человеческой близости. Можно сказать и так: любовь — это полная готовность к тому, чтобы тобой обладали.

Но как трудно согласиться на то, чтобы тобой кто-то обладал! Даже страшно подумать. Тут и нужен институт брака. Брак — единственное состояние человека, когда он может сказать о себе, что обладает другим. Это дано нам как образ обладания Бога Своим творением — нами. Позволяя другому обладать нами, мы узнаем на деле, каково быть во власти Господа, как отдаваться Ему без промедления и сомнения.

Что же получается? Бог — собственник? Конечно, нет! Есть удивительные слова, принадлежащие блаженному Августину, их можно найти во вступлении к его исповеди: «Ты создал нас для Себя, и мятеж сердца наше, доколе не успокоится в Тебе!». От этого не уйти. Бог создал нас для Себя, Он имеет на нас все права, мы — в Его власти. У Бога много имен и одно из них — Бог-ревнитель: «Ибо ты не должен поклоняться богу иному, кроме Господа; потому что имя Его — «ревнитель»; Он — Бог ревнитель» (Исх. 34:14). Вы думаете. Бог не возгорается, когда мы заявляем, что не принадлежим Ему? Когда отдаем себя во власть вещам, людям или посторонним идеям? Разве можно было бы говорить о любви Творца, если бы Он терпеливо и беспристрастно смотрел, как мы разрушаем и уничтожаем себя, отсекаем себя от единственного Источника жизни? Но Господь знает: Он — наша жизнь, а потому Его ревнование — это забота о нас.

Так что бывает и праведная ревность, которая не только совместима с истинной любовью, но и неотъемлема от нее. Любовь — всегда любовь: что свойственно Божьей любви, свойственно (хотя бы в идеале) и человеческой. В браке есть место ревности. Супруг и супруга инстинктивно понимают: любимый человек может найти покой и удовлетворение только при соблюдении абсолютной верности, а потому ревниво охраняют друг друга и, тем самым, оберегают свой внутренний покой. В свою очередь, оба супруга принадлежат Господу (а Бог — им!). Да что говорить! Именно желание принадлежать другому и подтолкнуло их к браку! Они не просто искали свою «вторую половинку», они желали отдать себя друг другу.

Нет в мире большей силы, чем та, которая рождается в двух принадлежащих друг другу сердцах. Какое представление о силе бытует в миру? Сильный человек манипулирует, управляет, обладает властью, он может оказывать давление и влияние на другого человека или группу людей. Ради власти ведутся войны, к ней стремятся правительства, ее покупают за деньги. Но та власть, к которой стремится мир, — ничто по сравнению с властью друг над другом, которую дает Бог супругам. Самая крепкая власть — власть любви. Любовь — единственная истинная сила, потому что ей сила не нужна. Любовь — исключительное богатство, потому что только она отказывается от себя, дарит себя другому.

Пик близости — это когда два человека не боятся и не стыдятся власти любви, когда они полностью отдаются чистой радости и свободе, когда чувствуют, что обладают сами и что ими обладают. Величайший покой — знать, что твое место в объятиях другого, но ты не растворишься в нем, а расцветешь в этих объятиях, найдешь в них себя. Наше естество — в такой любви, которая не существует без самоотдачи. Самоотдача и одновременно обладание — вот оно, Божье чудо.

Противясь притязаниям жены Потифара, Иосиф сказал ей такие слова: «Вот, господин мой не знает при мне ничего в доме, и все, что имеет, отдал в мои руки; нет больше меня в доме сем; и он не запретил мне ничего, кроме тебя, потому что ты жена ему» (Быт. 39:8-9). Он признает, что жена — это собственность мужа, но собственность особая: настолько близкая, что ее, как и свою жизнь, никому нельзя отдать или передоверить. Брак — это слияние, взаимопроникновение двух сердец: в них возникает такая взаимозависимость, что они не могут без нее жить. Она — образ нашей принадлежности Христу. Мы принадлежим Ему, как ветви — лозе.

Конечно, муж и жена не обладают друг другом настолько полно, как Бог нами. Но они обладают друг другом в большей степени, чем другими вещами и людьми. Когда муж с любовью смотрит в глаза жены, он твердо знает: эти глаза и этот человек полностью принадлежат ему. Ни дети, ни дом, ни машина, ни страховой полис, никакая другая вещь не являются его собственностью настолько, насколько жена. Она принадлежит ему на всю жизнь. Все остальное отнять легче, чем ее.

Обоюдное обладание настолько сильно, что союз супругов совершенен: только смерть может разлучить их, ибо только любовь смогла связать их. Что такое влюбленность? Это процесс, в ходе которого Бог отдает двух людей друг другу. Так может сделать только Он. Только Бог имеет право распоряжаться людьми.

Обеты

Невыполнимое обещание

Брак — это не соединение двух миров, а отказ от двух миров с тем, чтобы создать третий.

В этом плане призыв к браку равносителен словам Иисуса, сказанным богатому юноше: продать все свое имение и следовать за Ним. Брак — это призвание. Он невозможен без полной самоотдачи. Для большинства людей брак — это единственный в жизни поступок во исполнение заповеди Иисуса возлюбить ближнего как себя самого. Ибо поначалу муж и жена — просто ближние друг для друга: может быть, измученный жизнью ближний, не раз раненный стрелами любви, уставший от жизни. Что заставляет нас увидеть огромную ценность этого человека, разглядеть в нем то, чего до нас не заметил никто? Что заставляет нас поклясться ему в любви до гробовой доски?

Такой шаг невозможен без Божьей благодати и Его любви. Конечно, многие браки заключаются и даже сохраняются без сознательного обращения к Божьей помощи, без чувства зависимости от Него. Но прочный длительный брак не может существовать без тайного прикосновения Его благодати, которая приходит в виде удивительной способности — соблюсти ряд невыполнимых обещаний, чему помогают любовь, честность, доверие, верность. Как можно утверждать, что и через двадцать лет будешь заботиться о муже или жене? Можно пообещать девушке, что заедешь за ней в семь часов вечера. Но обещать любить ее до гроба!.. Брачные обеты очень просты и удивительны, возвышенны и безрассудны. Но, как ни странно, это — единственные обещания, которые супруги пытаются сдержать. Удивительные, краткие, глупые слова! Пройдет год (уж не говорю, двадцать или пятьдесят лет!), и супруги будут удивленно покачивать головами, гадая, как же им удалось выполнить неосуществимое?

А если обещание нарушено? Супруги в отчаянии. И все потому, что в церкви не они давали обеты друг другу, а Господь давал им обещание. Чисто по-человечески, соблюдение брачных обетов невозможно: их нельзя соблюсти и нельзя не соблюсти. Лишь простаки, вступая в брак, думают, что стоят на пороге рая! Взрослые люди понимают: они делают шаг в неизвестность. В какого бы бога они ни верили, все в его руках. Даже неверующие, вступая в брак (равно, как и лежа на смертном одре), чувствуют, что настало время тихо помолиться.

Христианина утешает одно: в человеческом обществе нет более невероятного института, чем институт брака. Несколько шагов в корне и надолго изменяют всю их жизнь: обязанности супругов настолько велики, что изобрести их мог только Бог, а потому и выполнить их можно лишь с Его помощью, с помощью Его милости и любви, исполняя Его волю на каждом миллиметре жизненного пути.

Мужчина и женщина

Кто не знает о брачных обетах? Порой мы не задумываемся об их содержании и смысле. Они стали чем-то вроде народной традиции, желательного обряда. В суде принято клясться на Библии. Но обещающий испытывает чувство благоговения не от соприкосновения с запредельным, а от мысли о юридической ответственности за лжесвидетельство.

Не обманывайтесь: брачный союз мужчины и женщины — событие поистине запредельное и в основе его лежит обмен клятвами. Мы уже говорили о том, что брачные обеты — это порой единственные истинные обеты, которые принимают на себя люди. Иногда это единственные священные слова, которые исходят из уст супругов. Чтобы произнести обет, нужно не более тридцати секунд. Чтобы

выполнить его — нужна вся жизнь.

Выполнить обет — не значит не нарушать его, иначе брачные обеты были бы нарушены уже через день после свадьбы. Между обетом и обещанием есть одна существенная разница. Если нарушил обещание, нужно о нем забыть или дать новое, а обет остается в силе независимо от поведения сторон. Дать обет — не значит подписать контракт или дать обещание. Нельзя пообещать любить другого — можно дать обет любви. Таким образом, обет — это исповедание, это взывание к Богу с просьбой о Его милости и силе.

Выходит, выполнить обет — значит, не воздержаться от его нарушения, а посвятить всю жизнь тому, чтобы познать его суть; выполнить обет — значит, быть готовым к любым переменам. Можно сказать и так: когда человек четко осознает, что далек от выполнения своего обета, — это знак того, что обет выполнен. На деле не человек выполняет обет, а обет овладевает человеком. Например, обет может сделать человека честным, если день за днем будет показывать ему глубины его неискренности. Обет — это таинство, неразрешимая загадка: он может исправить и пристыдить человека и в то же время возвысить и воодушевить его. Женатый человек — человек «соблюденный». Его блюдет и защищает обет, данный им перед Господом. Я говорю не об ощущении покоя и комфорта, но о чувстве глубокой прощенности.

Насколько темна ночь?

Многие полагают, что мужа и жену удерживает вместе любовь друг к другу. Но это не так. Куда же девается любовь, когда супружеская пара подает на развод? К этому моменту разойтись в разные стороны им мешает только одно препятствие — их обеты. Но «отозвать» их — это не чистая формальность. Да, это проформа для суда, но перед Богом и друг перед другом они никогда не признают это формальностью: для человеческого сердца ее не существует.

Чтобы брак существовал и был крепким, без любви не обойтись, но скрепляют брак именно обеты, которые и являются твердой почвой под ногами любви. Любовь — это не чувство и не ощущение, а обещание, решение, волевой акт. Любовь можно сравнить с восклицательным знаком, а обеты — с вопросительным. «Как ярко светит солнце!» — восклицает любовь, а обеты спрашивают: «Сможешь пройти через ночную тьму?». Браки, которые строятся только на любви, распадаются или, в лучшем случае, крайне беспокойны. Л вот браки, в которых не забывают про обеты — эти дичайшие обещания, данные перед Богом, — в которых уповают на Бога, постоянно обновляются.

В супружестве важно знать одно: выход есть всегда, но это не развод. Независимо от того, как велика проблема, необходимо вернуться к началу, расставить все по полочкам, как сделали это мы, произнеся обеты. Нужно вспомнить о полной самоотдаче, отбросить всякую осторожность и защитные механизмы, отдаться в руки любви, зажав при этом в кулак всю свою волю. Я не говорю, что мы снова влюбимся, нет, мы сознательно «войдем в любовь».

Есть один совет, который очень часто дают «разлюбившим» друг друга супругам: вести себя так, как в период влюбленности, даже если при этом придется все летние вечера просиживать вдвоем на крылечке. Раньше это удавалось им только с Божьей помощью, ибо только Он способен был вселить столь естественное притяжение в сердце каждого из них. Но главная Его цель — родить в нас не природное, а сверхприродное притяжение. Такое под силу только Его любви. Порой в браке приходится возвращаться к началу, к истокам любви и самоотречения, но на этот раз уже без поддержки чувств и эмоций, без изначальной влюбленности. Возможно, придется действовать в одиночку, лишь верой и упованием, без помощи со стороны мужа или жены. Но таков Божий метод: при дневном свете Он учит нас делать то, что потом мы обязаны повторить в кромешной тьме!

Не нужно думать, что мы должны «сдаться» супругу. Нет, мы сдаемся браку, выполняя при этом одну из двух новозаветных заповедей, обращенных к супругам: брак — это союз любви; развода быть не может. (Эти две заповеди обладают одинаковой значимостью, следовательно исполнять одну из них и пренебрегать другой — немислимо). Брак освящен Божьим обетованием любви, а потому стоит потрудиться, каким бы грешником наш муж или жена ни оказались. Когда мы отдаемся браку и тому грешнику, которого по милости Божьей когда-то полюбили, то этим исполняем истинную Божью волю. Так будет продолжаться и в вечности, после того, как закончится земная суета. Но уже здесь и сейчас нужно учиться различать невидимое и делать невозможное.

Цель — вечность

Только Бог мог пообещать, что сохранит нас от тления! Но это значит, что Он обещал уберечь нас от изменчивости и греховности наших слабых сердец. Такое под силу только Богу. Этим Он дает нам увидеть отблески вечной жизни. В браке Бог заставляет мужчин и женщин решать вопрос о вечности, возрастая духовно, облакаясь в Божье постоянство, получая то единственно неизблемое, что можно обрести в этом мире, — неизменность сердца и верность. Господь учит нас бороться с искушением

завести новую жену или нового мужа, влюбиться в кого-то еще, зажить в одиночку, ожесточиться, разлюбить. Благодаря этой науке мы вкушаем вечную жизнь. Но это возможно, если все время помнить о Божьих обещаниях, данных нам в форме обета.

Дать обет можно только верой. Если бы человек по своей природе был существом верным, то и обет не понадобился бы. Его «да» было бы действительным «да», а «нет» — настоящим «нет». Но люди — неверны, нечестны, неспособны долго и постоянно любить, а потому им приходится объявлять во всеуслышание, что они изменятся в лучшую сторону. Заявление это не делает из человека добродетельного существа, которое свято соблюдает свое слово. Напротив, в нем теперь виднее недостаток личной добродетели, ибо в свидетели своих слов он призывает друзей, родственников, подчеркивая свою зависимость от чего-то высшего, так как исполнить обет верности ему самому не под силу.

Брачные обеты прославляют Бога. В день свадьбы мужчина и женщина делают шаг во исполнение величайшей заповеди — заповеди любить. Кроме того, брак — это священное излияние Божьей благодати, которая и сделала такую любовь возможной. Жених и невеста смиренно выражают готовность отдаться во власть любви, но именно Господь делает такую любовь осуществимой. Он дает нам обетование, что дар не будет у нас отнят.

Итак, каждый, давший обет (если дал его с верой), может больше не волноваться о том, что разлюбит. Мы дали обет любить до гроба. Если муж или жена станут толстыми, некрасивыми, больными, старыми, неработоспособными, совершат что-то злое или постыдное, — ничто не освободит нас от обета любить в радости и горе, в богатстве и бедности. Дав такое обещание, мы одновременно признали, что не к силам его выполнить. Этим же обещанием мы исповедуем свою веру в Бога, показываем полную зависимость от Него: Он — сама верность, потому что всегда держит совершенно невероятные обетования, данные Своему народу!

Церковный брак ясно показывает, что в человеческих страстях и обещаниях нет постоянства — неизменны только страсти Господни и Его обеты. Брак — это обряд, который символизирует следующее: Бог соединяет вместе двух людей, а потому Он будет сохранять их единство. Супругов соединили не люди, а потому люди не могут разлучить их (Мф. 19:6). Брак — это признание Божьей силы: мы заявляем всему миру, что Бог может творить в жизни смертных нечто, обладающее вечной значимостью, и властвовать над мятущимся человеческим сердцем. Обеты не гарантируют вечной влюбленности, они говорят лишь о том, что люди хранят любовь по благодати Божьей и силой Его. В этом и заключается удивительная особенность христианской любви: для христианина любовь — не чувство, а скорее, действие, причем действие не человеческое, а сверхприродное и вечное. Любовь — это глубокая, постоянная, растущая и само-обновляющаяся работа воли, надзирает за которой Дух Святой. Она не прекратится. Таким образом, свадьба — это открытое и смелое заявление: ничего романтического в браке нет, как нет ничего случайного или изменчивого. Это — дар Господний, цельный и нерушимый, крепкий, как скала.

Совершенно естественно: кто в это не верит, не может прочувствовать все запредельные реалии супружества. Для него брачные обеты будут, в лучшем случае, вежливым и ожидаемым соглашением между сторонами, а в худшем — комом застрянут в горле, кинжалом вопьются в сердце, прахом рассыплются из деревенеющих пальцев.

Утонченная простота

Проблема всех неблагополучных браков одна: супруги стараются слишком многого достичь в миру и при этом, подобно Марфе из рассказа Луки (Лк. 10:42), забывают, что «одно только нужно». После любви Божьей одно только нужно супругам — их брак, их взаимная любовь. Ничто на свете не должно стоять выше этого — ни дети, ни работа, ни друзья, ни даже христианские труды.

Вроде бы факт очевидный. Но вернуть браку его законное место очень трудно. В конечном итоге, чтобы брак устоял, приходится бороться не со своими недостатками и эгоизмом; гораздо труднее бороться со всеми хорошими и полезными занятиями, их придется откладывать из-за семьи. Сколько закадычных друзей уйдет на второй план, чтобы на первом оказался самый близкий друг — супруг или супруга! Сколько интересных дел придется отложить ради исполнения семейных обязанностей! Сколько добрых намерений останется невыполненными! Сколько сил можно было бы потратить на церковную работу или отдать на благо общества, не будь обязательств перед супругом или супругой! Будет сильное искушение уподобиться Иуде Искаротию, который, увидев, как Мария выливает драгоценный елей на ногу Иисуса, воскликнул: «Для чего бы не продать это миро за триста динариев и не раздать нищим?» (Ин. 12:5). Больше всего нас раздражает в браке «пустая трата времени». Нам кажется, что мы растрачиваем жизнь ради одного-единственного человека, а хочется оставить о себе память миру, помочь тысячам, стать известным миллионам... Как же велика будет скорбь, когда мы поймем: даже

одному-единственному, самому близкому человеку мы не всегда в состоянии помочь!

Сила и секрет чудных брачных обетов — именно в такой «пустой» трате времени, такой упрощенности. Брак — это решимость всю жизнь любить одного-единственного человека, любить тщательно, доброту (ведь любить — это работа). Что может быть проще? Нет на свете ничего проще любви.

Соответственно, самое простое занятие на свете — любить Господа. Любить человека — чуть сложнее. Но тут и помогают брачные обеты: их цель — убрать все препятствия, которые люди сами воздвигают на пути любви, чтобы свести любовь к выполнению наипростейших и легко выполнимых условий. Мир стремится к великим и недостижимым идеалам, а супруги идут по более скромной и более реальной тропе — заботятся друг о друге день за днем. С точки зрения мира, в этом занятии нет ничего почетного, а вот с точки зрения Бога — нет занятия более важного. Какие покой и радость охватывают душу, когда делаешь совсем простые вещи из любви к Богу, те вещи, которым Он нас учит.

Когда супруги вдруг замечают, что брак — это труд, то делают вывод: брак отнимает много времени. Они в ужасе от того, что брак обретает необъятные размеры, выливается в жуткие траты времени, в гигантские, необратимые потери чистейшего, бесценнейшего времени. Брак — это же бездонная бочка! И это нельзя прекратить ни на один день, потому что суть брака — быть вместе. Это союз любви, а любовь — духовное средство передвижения, ракета, которая летает дальше и быстрее всех других. Выскочи из нее на минутку — и она улетит без тебя в неведомые дали. Останови ее — она заржавеет. Забудь о ней — она исчезнет. Быть пассажиром на борту такой ракеты — огромный труд. Нравится вам или нет, вы с супругой отправились в полет на борту этой ракеты. Вот ваша работа. Бог поручил нам дело — общаться с людьми, и нет общения ближе супружеского.

Брак неизбежно становится флагманским кораблем в море общения. Ваш дом — то место, где должна зародиться любовь, и ее вы потом понесете другим. Кому хочется портить отношения с близким другом, тещей, свекровью, начальником? Но если отношения уже испортились — это не так страшно. А вот пробежит малейшая тень между супругами — и все разваливается. Если не разваливается, значит, сердца их начали черстветь, и это неизменно скажется на их взаимоотношениях. Муж и жена — одна плоть. Быть врозь для них — все равно, что быть вдали от своего тела. Если человек в обиде на самого себя, то он в обиде и на весь мир! «Любящий свою жену любит самого себя», — говорил апостол Павел (Еф. 5:28). Вот как тесно связывает Бог супругов во Христе! И Он установил так, что любовь христианина берет начало в его собственном доме.

Видите, куда приводят, казалось бы, безобидные обеты: теперь приходится нужды и желания одного-единственного человека ставить выше нужд всех остальных жителей вселенной, какими бы насущными и великими их нужды ни были. Чаша супруга или супруги всегда перетянет, домашние дела становятся для нас важнее великих свершений. Иисус правильно говорил: «Если кто приходит ко Мне и не возненавидит... жены... своей... тот не может быть Моим учеником» (Лк. 14:26). Можно сказать и так: «Невозможно возлюбить жену, пока не возненавидишь весь мир». Дело здесь не в ненависти, а в приоритетности привязанностей. Принимая крещение, человек дает обет, что Господь Иисус становится отныне главой его жизни. Так и на свадьбе. Брачные обеты ставят наши отношения с супругом или супругой выше отношений со всеми остальными людьми. Благодаря обетам обычный человек занимает важнейшее место в жизни другого, так и мы, уверовав, таинственным образом занимаем важнейшее место в жизни Бога.

Направленная любовь

Не нужно полагать, что брак преследует узкие интересы, что он — закрытое общество, созданное двумя людьми с целью взаимного обожания, что каждый из членов этого общества должен все свои жизненные силы направлять на любовь к супругу. Напротив: если супруги целиком «заиклились» друг на друге, не признают обязательств перед человечеством, — такой брак не достоин своего высокого имени. На элементарном уровне брак — это союз между «мной» и «не мной», но супруги заключают союз не только друг с другом, но и с обществом: со всем, что не является «мной». Вступая в брак, человек осознает практическую неосуществимость такого союза, но выражает желание вступить в него, двигаться к высшей цели, начать семейную жизнь. Человек делает все возможное, чтобы полностью сродниться лишь с мужем или женой: он знает, что это можно, но во всяком деле должно быть начало. Преданность должна с чего-то начинаться, и этот шаг — вовсе не символический — помогает человеку возлюбить и окружающих.

Любовь — это не река, зажата между двух берегов. Ей свойственно выходить из своих пределов. А вот наполовину обмелевшая река, не говоря уж о полностью обмелевшей, выйти из берегов не может. Вы скажете: на любовь уходит слишком много времени, а потому она не может выплеснуться за рамки одного дома! Напротив, обет любить единственного человека нужен для того, чтобы наполнить нас

любовью до краев, погрузить нас в ее глубины, высвободить в нас способность любить других — столько, сколько раньше мы никогда не любили. Наше время и энергию пожирает не любовь, а скорее, недостаток любви. Именно он мешает семейной жизни, заставляет бесконечно копать в себе и отнимает силы, которые можно было бы потратить на любовь к другим.

Давая брачные обеты, мы делаем то, что Сам Господь сделал по отношению к Аврааму: Он дал обетование Своей любви человеку. Соблюдая это обещание, мы подражаем верности Господней, которую Он проявлял по отношению к Своему народу, которую с самого начала намеревался распространить на все человечество. Почему же, свершая спасение, Господь решил обратить Свои усилия именно на избранный народ, провозгласив им: «...будете Моим уделом из всех народов» (Исх. 19:5)? Может, у Бога любви хватило лишь на один небольшой народец? Вовсе нет! Любовь остается собою, когда имеет узкую направленность, когда на объект любви направлено все внимание любящего. На просьбу хананейки Иисус сначала ответил: «Я послан только к погибшим овцам дома Израилева» (Мф. 15:24). Но подумайте: служение Его было направлено на четко определенную группу людей, и лишь поэтому оно смогло потом распространиться по миру. Любовь Иисуса всегда была явной и очевидной. Его любовь — это не размытые эмоции универсалистов, которые заявляют, что «любят всех», а на деле не любят никого. Нет, любовь Иисуса была четко привязана к объекту любви, а потому-то о ней и смогли узнать все те, кто вплотную с Ним не соприкоснулись. Она была направлена не на весь Израиль, а на небольшую группу людей, и даже скажем точнее: на одного конкретного ученика, «которого любил Иисус».

Иисус сохранил безбрачие, но Он пользовался стратегией направленной любви, а потому супруги видят ее и понимают, как мыслил себе Бог брачный союз. По замыслу Бога, супружеская любовь должна обретать максимально конкретные формы, строгую направленность и высший накал, становясь при этом неизбежной. Именно так Бог превратил любовь в задачу, которую надлежит исполнить даже ценой собственной жизни. Мы говорили, что брак — это ловушка, очень хитроумная ловушка, в которую попадают два человека (им приходится друг друга любить). Произнося обеты, они принимают ультиматум: любовь или ничего. Выходит, если супруги не могут любить друг друга, как самих себя, то они не могут по-настоящему любить ни самих себя, ни кого бы то ни было еще. Когда они любят, их любовь становится огнем, способным зажечь все вокруг них.

Завет верности

Брачные обеты своими корнями уходят в библейскую концепцию завета. Заклячая такой завет, два человека обязались стать настолько близкими друг другу, что взаимное общение становилось для них важнейшим делом всей жизни, тем источником, из которого брало начало все остальное. Таким образом, обет не ограничивает, а скорее, снимает запреты, расширяет естественные границы человеческих возможностей. Мы не попадаем в сети, а освобождаемся из них, и Бог освящает нас на выполнение задачи, которая, оказывается главным делом жизни: работой завета, любовных взаимоотношений. Может, у нас и времени на это не хватит... Но, тем не менее, это тот труд, который Господь считает важным настолько, что создал нас, чтобы мы разделили с Ним радости любви.

Итак, общение между супругами — вещь важная и неотложная. Если им не удастся поддерживать общение, то они будут призваны к ответу. Кому охота идти к психиатру, разведенному с женой? Кто станет доверять политику, который твердит о мире, а сам не может помириться с женой? Кто будет слушать священника, в чьем доме нет мира? В Библии есть, конечно, одно исключение — пророк Осия, неудачный брак которого и лег в основу пророчества. Но сам-то Осия был верен своей неверной жене, и распад его брака высветил крах всего общества, разложение сердца Израилева. Мы видим: брак здесь показан как барометр духовной жизни. Неурядицы в браке — очень прискорбный случай, они указывают на разлад человека с самим собой и с Богом, а любовь в браке — это образ Божьей любви и верности. Узнаем мы из книги Пророка Осии и еще одно: Господь не всегда обрекает нас на счастливые и безоблачные браки. Для Него главное не успех, а та глубина верности, которая может стать выше невзгод и видимых неудач и послужить образом Господней верности Своему народу.

Так и мы должны относиться друг к другу с любовью, строящейся на обете, не зависящей от счастья или внешних признаков успеха. С чего начаться такой любви, как не с ближайшего тебе человека, спутника жизни, которого ты сам избрал из всех людей на свете? Если мы не в состоянии любить своего супруга в бедах и радостях, трудностях и жизненных бурях, то как сможем возлюбить нищих, убогих, забытых миром людей? Бог дает нам одну любовь, которая больше всех других чувств, которая приходит легко и без напряжения (по крайней мере, с начала), естественную и самопроизвольную, которой, видимо, любил Иисус Иоанна. Когда возникает такое естественное чувство. Бог будто бы говорит нам: «Посмотри, как просто любить! Какая свобода и радость в любви! Никогда не забывай этого чувства, храни и береги его, пусть оно будет светом, озаряющим твои отношения с

другими людьми. Я хочу показать тебе потенциал любви, хочу научить тебя любить, как люблю Сам, любить нелицеприятно, чтобы и ты мог вкусить всю полноту Моей жизни».

Если подумать, людям более свойственно ненавидеть, чем любить, быть неверным, чем хранить верность. Легкомыслие — более человеческая черта, и выходит, что брак — живое, дышащее чудо. Это выразительное доказательство наличия любви в лишенном любви мире. Причем она не только существует, но крепнет и растет несмотря на все препятствия. Если двое людей могут любить друг друга, значит, любовь жива, значит, в доме супругов она гораздо реальнее, чем в мечтах об утопическом обществе и в мирных декларациях стран и правительств. Любовь в семье — это твердая гарантия: что бы в мире ни случилось, хоть немного любви в нем останется.

Брак или безбрачие?

Если это правда, если брак — действительно чистейший и одновременно очень практический образ заветной Божьей любви, то почему Новый Завет, вроде бы, говорит о безбрачии? Почему для христианина брак является неким «минусом», чем-то, что отвлекает его от служения Богу? В книге о христианском браке этого вопроса никак не обойти, особенно если вспомнить сложный отрывок из письма Павла к коринфянам. Ведь, с одной стороны, Павел говорит, что безбрачие — благо для человека, а с другой, — «Лучше вступить в брак, нежели разжигаться» страстями и продолжает: в браке — много забот, а «я хочу, чтобы вы были без забот». И еще: «Посему выдающий замуж свою девицу поступает хорошо; а не выдающий поступает лучше» (см. 1 Кор. 7:1, 9, 28, 32, 38). О чем Павел говорит? Почему брачные узы он ставит на второе место после безбрачия, почему считает брак чем-то вроде лекарства от похоти?

Порой, когда читаешь Писание, важно не только понять то, что хотел сказать автор (хотя это — основа грамотного толкования), но и то, какое влияние его слова оказали на тогдашнего читателя. Каково же было воздействие уклончивого совета Павла? Несомненно, кто-то решил, что любовь к женщине недостойна христианина, некоторые разорвали помолвки, другие дали обеты безбрачия. Но был и иной результат: многие занялись исследованием своей души, стали задавать себе трудные и болезненные вопросы о том, что движет людьми, стремящимися вступить в брак, чего они хотят и ждут, чего желает Господь. Кто может прочесть этот отрывок и не задать себе подобных вопросов? Это место Библии — камень преткновения для многих. Таковым оно всегда было для тех, кто намеревались вступить в брак. Оно — тормоз удивительного действия. Каждый, кто спрашивал себя: «Хочет ли Бог моего брака?», не мог не знать совета Павла и не мог не понять, что ничего утешительного в этом совете нет. Слова Павла сильно смущают и осложняют решение проблемы.

Но в этом их сила. Не был ли и Сам Иисус камнем преткновения? Ожидали ли евреи, что спасение свершится именно таким образом? Само Его присутствие усложняло израильтянам решение главных жизненных вопросов! Если посмотреть на Его методы, то мы увидим: Он даже в большей степени, чем Павел, не старался дать совет или ответ на вопрос, а пытался создать атмосферу нравственного и богословского поиска, чтобы ищущий сам нашел правильное решение. Вот суть евангельского учения: оно не налагает запретов, а открывает сердце верующего, чтобы он сам обнаружил записанный в собственном сердце закон.

Мало кто из христиан вступал в брак, положившись лишь на совет Павла. На свадьбах этого отрывка не читают! Многие женились невзирая на этот совет, не веря ему, запутавшись в нем или явно его презрев. Вот каков накал страстей между христианином и Библией: наперекор распространенному мнению, Писание дано нам не для того, чтобы мы ему повиновались, а для того, чтобы мы повиновались Господу. Ошибка фарисеев и заключалась в том, что они старались повиноваться букве Писания, забывая о любви к Богу и служении Ему. То же можно сказать и о многих христианских сектах, которые извратили букву Нового Завета, как фарисеи исказили Закон. Ибо Закон Господний, как ни странно, — и не закон вовсе, а хартия прав и свобод.

О какой же из христианских свобод идет речь в этом послании Павла? Очевидно, о полной свободе христианина в выборе собственного семейного положения — жениться или не жениться. Кто безбрачию предпочитает брак, делает выбор добровольный и глубоко продуманный. И все — благодаря предостережениям Павла. Павел просто-напросто оставляет христиан один на один со своей свободой во Христе. Он загнал их в угол, и теперь решение жениться будет носить характер радикальный, бесповоротный, ибо верующие понимают: Бог дал им свободу выбора. Павел признает истинность брачных обетов, понимает, что они — начало удивительного и требующего немалой решительности предприятия. Это изменяет традиционные мирские представления о браке, как о застойном, безжизненном институте. Павел не преумалает супружество, но дает христианину полную свободу выбора. Он не отрицает ни брака, ни безбрачия.

Секс

Образ и воплощение

Иногда я думаю: каково быть нудистом? Привыкают ли такие люди когда-нибудь к своей наготы? Что касается меня, я до сих пор не привык к обнаженности собственной жены. Кажется, что тело ее сияет ярким светом, столь ярким, что невозможно смотреть на него долго. Я не могу отвести от нее глаз, но, тем не менее, должен... Смотреть на нее слишком пристально и слишком заинтересованно — значит, нарушить границы чужого владения. Это почти преступление! Когда смотришь на цветок или же, спрятавшись, наблюдаешь за животным в лесу, — это иное. Нет, тело моей жены, светлое и завораживающее, больше, чем цветок, стремительнее, чем животное, величественнее тысячи закатов. Для меня ее тело — самая удивительная вещь во вселенной. Когда я пытаюсь смотреть на нее, улавливаю ее дикую, величественную красоту — такую свободную и первобытную, совершенно не изменившуюся от начала времен (что бы там ни говорили сторонники теории эволюции), — то начинаю понимать, что значат слова о мужчине и женщине, сотворенных по образу Божьему. Если образ так чуден, то каков же Оригинал?

В браке мы узнаем, что наготу, как и Самого Бога, можно созерцать бесконечно. Увидеть до конца ее невозможно, на нее никогда не смотришь в упор, потому что она — одновременно откровение и тьма, свет и тайна. Станный интерес, который мы проявляем к человеческому телу, останется с нами до конца жизни. Всем любопытно заглянуть в замочную скважину. Ярчайший образец этого — человек, одержимый похотью, которому мало увидеть лишь одну стриптизеру, лишь одну глянцевою фотографию. Но подобная похоть глаз и плоти — это извращение совершенно естественного любопытства. Сам Господь сделал так, что нас зачаровывает чужая плоть. Именно Бог дал обнаженному телу его блистающую красу и сделал это с одной целью: чтобы она была дивным отражением Его бесконечно большей славы.

Плоть — чудо, и у этого чуда есть еще один аспект — воплощение. Ибо не только люди созданы по образу и подобию Божьему, но и Сам Он не устыдился стать подобным нам, принять образ человеческий. И даже этот — из кожи и костей — образ Бога славен. Другими словами, Бог облагодетельствовал этот образ Своим присутствием в нем. Значит, человеческое тело — священо, ибо в нем пребывал Бог. Каким бы изувеченным и отталкивающим тело ни было, в ярком свете воплощения — просто по ассоциации с Иисусом Христом — оно кажется святым сосудом, более святым, чем все остальное во вселенной, святым, как святые дары евхаристии. Как на причастии хлеб — образ Тела Христова, так и мы, верующие, — образ Его тела. Благодаря вере Он живет в нас.

Блики Божьего отражения можно увидеть в солнце, деревьях, мельчайшей бактерии. Но Он в них не живет и никогда не жил. Он не исчезнет, если вся вселенная разрушится, взорвется или превратится в ничто. Он — Тот, Кто ее сотворил, Он существовал до нее. Он — трансцендентный Бог, полностью отличный от твари, вездесущий, но не обитающий в своих творениях. Пребывает Он только Сам в Себе, т.е. на небесах, во Христе, в Святом Духе и, по удивительному дару благодати, в Своем народе. Лишь с пришествием Иисуса Христа в мир вся полнота божества облеклась в материальную форму, полностью воплотилась, вочеловечилась. Когда Творец пришел к Своему творению телесно, Он появился не в виде звезды, шаровой молнии или в образе белого кита, не в святой книге и не только в духе, а пришел, как человек. Причем Он не воплощался последовательно во многих людях — пророках, — но воплотился в одном человеке — Мессии, Святом Божьем. Можно ли было сказать о Господе, что Он стал воистину человеком, если бы не ограничил Себя рамками одной-единственной жизни, которую предначертал и каждому из нас? Тем не менее, в этой одной жизни, в Иисусе, самая суть человеческого естества — потрепанная и ветхая человеческая плоть падшего мира — вошла в соприкосновение с вечностью, впиталась по Божьей милости в вечность.

Нагота

Выходит, что человеческое тело — славнее всего остального в тленном мире (я говорю о «славе» в обычном смысле, как о «внушающей благоговение красоте», и в библейском смысле, как о воплощении духовного), и именно в ослепительной наготы слава эта очевиднее всего: она дразнит и дает откровение. Есть в человеческой наготы что-то открытое, явное для глаза и для души, чего не увидишь ни в чем другом. Нет ничего на нее похожего. Завеса Святого Святых разрывается, и мы что-то видим там, в полумраке, что-то очень знакомое, но странное, будто сон. Ведь люди — это единственные существа на земле, которые вообще могут обнажиться! Они одни могут так чудно приоткрыть себя. Все остальные объекты живого и неживого мира наги по определению. Деревья могут одеваться в осеннее великолепие, море может блистать солнечным покровом, но говорим мы так, лишь сравнивая их наряды с человеческой одеждой. Только человек прикрывает тело искусственными одеяниями. Все остальное всегда пребывает нагим и открытым перед лицом Господним — и не стыдится этого.

Что же отличает человеческую наготу от наготы других объектов природы? Что ему прятать?

Откуда в этой обнаженности такая прямота, такая первобытность, такой вызов, почему она так невыносима и так возбуждает? Почему ее так стыдятся и прячут? Из-за чего вдруг неотъемлемая часть нашего существования стала такой тайной — ведь это всего лишь нагая плоть со всем тем, что нужно ей для жизни? Это все равно, как если бы деревья, камни или реки начали скрывать какие-то щекотливые части своего организма! Как если бы мы стыдились взглянуть на небо или траву. Да и что такое стыд? Он знаком только людям!

Не существует ни одного удовлетворительного объяснения этому таинственному чувству — стыду. Можно сказать лишь одно: он тесно связан с двумя другими загадками — злом и грехом. В книге Бытия рассказывается история возникновения нашей одежды — она появилась, когда в человеке обнаружилось лукавство: человек одновременно осознал, что согрешил и что наг. До грехопадения «были оба наги, Адам и жена его, и не стыдились». А когда они вкусили запретный плод, «открылись глаза у них обоих, и узнали они, что наги, и сшили смоковые листья, и сделали себе опоясания» (Быт. 2:25; 3:7). Суть понятна: они оделись не потому, что замерзли или промокли. В раю не было снежных заносов! Нет, мы одеваемся, потому что грешны, но и красивейшие наши одежды подобны арестантскому одеянию: они напоминают нам, что человек — грешный беглец, скрывающийся от Бога и своих товарищей. Где бы нагота ни открывалась — на нудистском пляже, при развратной оргии, в первобытном обществе, в больничном отделении для новорожденных, — это либо незнание о своей греховности, либо агрессивное отрицание таковой. Лишь безбожные или невинные могут ходить нагишом.

Но у этого правила есть одно исключение — брак. Лишь в святилище для двоих можно презреть общепринятые правила и запреты относительно наготы взрослых людей, можно расслабиться с чистой совестью. Совершенно естественно, что люди нашли много лазеек, много изобретательных и соблазнительных способов обойти, обмануть, нарушить и опорочить нравственный закон. Но в наготы заключена такая огромная сила, которую приручить не так-то просто. Она диктует свои условия и законы. Ибо обнажиться рядом с другим человеком — значит, образно показать, что ты с ним совершенно честен, полностью ему доверяешь, готов отдать ему все. Если сердце не обнажается одновременно с телом, то само действие превращается в ложь и насмешку. Мы оказываемся в центре абсурдного и трагического противоречия: отдаем свое тело, но не отдаем себя. Когда рядом с кем-то обнажаешь тело, то будто открываешь свой самый заветный секрет: возврата назад не может быть, секрет больше не принадлежит тебе, другой человек уже знает его. На деле же — это самый последний шаг в развитии человеческих отношений, а потому на него нельзя решиться необдуманно. Этот шаг не создает между двумя людьми большей близости, но он предполагает наличие глубокого родства между людьми. Он символизирует полное доверие и полную самоотдачу, а потому сделать его можно лишь тогда, когда готов к полной самоотдаче. Когда двое уверены друг в друге, уверены в преданности друг друга, — вот тогда можно сделать последний шаг. Все эти условия бывают соблюдены лишь в браке.

Лекарство от стыда

Даже в браке остаются определенные ограничения и запреты, касающиеся наготы, продолжают существовать определенная неловкость, стыд. Ибо грех — повсюду, даже «у дверей грех лежит» (Быт. 4:7). Именно грех стремится разрушить доверие и близость, внести вражду и рознь между людьми, настаивает на секретности, а потому старается загнать каждую женщину и каждого мужчину в их маленькие царства — собственные тела, скрытые от мира за крепостью одежд. Даже самые близкие люди — супруги, подобные Адаму и Еве, — вынуждены укрываться в себе, прячась не только от Господа, но и друг от друга. Свет наготы слишком ярок, чтобы смотреть на него долго. Первую супружескую пару изгнали из Эдемского сада, но не изгнали из объятий друг друга, с брачного ложа. Это теперь единственный сад, где муж и жена — желанные гости, куда они возвращаются снова и снова, чтобы явить свою наготу, исцелиться от собственной засекреченности, от разлуки друг с другом. Супружеское ложе — это, можно сказать, телесный аналог исповедальни: именно здесь укрепляются узы любви и доверия, делаются настолько сильными, что могут потягаться с грехом стыда — самым укоренившимся в нас грехом. Почему Адам бежал от Бога? «Я... убоился, потому что я наг» (Быт. 3:10). Обычно именно духовная гордыня считается страшнейшим из грехов. Но что такое стыд собственного тела? Противоположная гордыне крайность или телесное, физическое проявление гордыни? Если стыд — не противоположность гордыни, то, значит, ее следствие, обратная сторона медали. Гордый человек чувствует стыд, когда ему больше нечем гордиться. Значит, он продолжает держаться за свою гордыню, даже когда повода для ее существования больше нет.

Итак, гордыня обманывает душу, смехотворно вознося ее. Стыд обманывает тело (т.е. чувственного человека) непрерывными обвинениями и насмешками. Он старается скрыть совершеннейшее из Божьих творений или выставить его чем-то непотребным, унижительным, смешным и неловким; делает из человека дурака вдвойне — настраивая его против собственного тела и чувств, а потом нашептывая ему,

что срам можно скрыть. И вот человек прячется за красивыми одеждой (как пытается спрятаться за собственной улыбкой). Но на самом-то деле укрыться негде! Все прекрасно знают, что скрывается за одеждой. Толстые, калеки и уроды мира сего хоть внешне немного похожи на облик своей души. Что же касается красивых, то стыд их может быть спрятан не только под одеждой, но и за выражением лица, под самой кожей, — они обмануты хуже всех. Любим мы свои тела или презираем их — над нами господствует стыд. В этом переживании слились ощущения вины и душевной нечистоты, которые чувствует человек за то, что обворовал Бога, забрал то, что по праву принадлежит Ему. Ибо тело — красивое или дурное — является собственностью Господа. Ему пришлось претерпеть стыд, и Ему принадлежит слава.

Одна из главных задач брака — вернуть тело Господу, очистив и освятив его снова, вырвав его из грязи стыда... Совершенно верно: многие художники пытались вернуть святость и благородство изображению обнаженного тела. Но то, что они старались сделать красками, муж и жена делают своими телами на живом холсте. Когда речь идет о красоте плоти, то мужья и жены — истинные художники, архитекторы и толкователи тела, ибо они лучше всех (благодаря взаимной любви и самоотдаче) могут видеть тело таким, каким оно является на самом деле. Правда, взрослые мужчины и женщины ни при каких условиях не могут совершенно невинно наслаждаться созерцанием обнаженного тела. Но даже если бы к этому сводилась суть брака, его роль все равно была бы бесценной и незаменимой. Представьте себе, какое отчаяние испытывал сатана, когда видел, что супруги находят удовольствие, тепло и любовь «на землях», вообще-то принадлежащих ему!

В наши дни вернуть нагому телу утраченную славу, первоначальную невинность и величие — а ведь таким оно было, выйдя из рук Творца, — это все равно, что сделать шелковый кошель из подметки, храм — из сарая. Мы возвращаем свои обнаженные тела Творцу, используя те средства, которые Он нам дал, — т.е., любя, раскрываемся и дарим себя другому. Показать, что вещь тебе не принадлежит, можно лишь одним способом — отдать ее. Но даяние это будет щедрым и святым только тогда, когда отдаешь любя и безвозвратно. Другими словами, все должно быть сделано в соответствии с Божьими заповедями. Когда по любви и доброй воле муж и жена дарят друг другу свою наготу, это — один из путей, с помощью которых святое таинство брака снимает проклятье первородного греха. Брак — это бой против первородного греха, удар по его видимому корню: стыду наготы. Брак побеждает и исцеляет стыд, ведя с ним сражение на святой территории брачного завета. Когда муж и жена обнажены друг перед другом — это для них нечто вроде радиационной терапии: исцеляющие лучи доходят до глубин души; это возврат к первоначальной невинности райского сада, когда «были оба наги, Адам и жена его, и не стыдились» (Быт. 2:25).

Прикосновение к Творцу

Какие моменты в жизни мужчины могут сравниться с первой брачной ночью, когда красивая женщина снимает одежду и ложится рядом с ним и когда эта женщина — его жена? Что уподобится чувству удивления, когда вдруг обнаруживаешь: то, что общество предприимчиво и умело затаскало по грязным закоулкам, оказалось, на самом деле, невиннейшим действием? Есть ли какое другое дело, кроме любви (помимо поклонения Богу), которым мужчина и женщина могут заняться вместе, уподобившись детям в чистоте и невинности, в естественности и правоте? Ибо если поклонение Богу — это глубочайшая форма единения с Ним (особенно та часть поклонения, которая свершается во время причастия), то близость между мужчиной и женщиной — ото полное единение, возможное между двумя существами, а потому и необходимейшее (и не только в биологическом плане) для нашего о выживания.

До сих пор мы говорили о близости только применительно к наготы, как будто близость включает в себя только созерцание, а не прикосновение. Но когда же максимально обостряется наше осязание, как не во время близости? Вся суть — именно в прикосновении и не только во внешнем касании кожи с кожей, но и в прикасании внутреннем. Да, близость зависит от соприкосновения, но она, как и похоть, берет начало во взгляде. Первый шаг к близости — взгляд, первое соприкосновение — соприкосновение взглядов. «Светильник для тела есть око, — учил Иисус. — Итак, если око твое будет чисто, то все тело твое будет светло» (Мф. 6:22). Он, конечно, говорил не о настоящих глазах, а о способности «видеть», т.е. понимать. Правильно поймешь — правильно поступишь. При близости нам нужно безошибочно понять свои тела. Нам нужно «увидеть» в наготы то, что хочет показать нам Бог: славу Его присутствия в мире, высшее выражение Его образа — того, который Он принял, когда жил на земле. Неужели мы не замечаем, что Его краски еще не высохли на нашей коже? Разве не видим отметин от Его перстов, оставшихся на наших ушах, глазах, губах? Я думаю, что нагота — напоминание о воплощении Бога, а наши несчастные тела — это природное (в противоположность сверхприродному) выражение Божьей славы. Поняв это, мы уразумеем: телесная близость сродни прикосновению к Нему, более тесное касание может быть только во время евхаристии.

Я слышал рассказ о молодом священнике, который пришел к старому отшельнику, известному своей святостью. Поздней ночью старик пригласил его прогуляться по склонам гор. И вот там, под звездным небом, в темноте, отшельник неожиданно предложил: «Давай преклоним колена и помолимся». Так они и сделали. Когда молодой человек рассказывал об этом, он вспоминал: «Я боялся протянуть в темноту руку: мне казалось, я прикоснусь к Богу».

То же ощущают мужчина, когда находится рядом с женщиной, и женщина рядом с мужчиной. Они испытывают святой страх: им страшно протянуть руку и сделать то, чего хочется больше всего. Страх возникает не оттого, что есть какие-то социальные запреты, а от ощущения

Ангел и животное

Совершенно ясно: именно Бог замыслил, чтобы физическое единение мужчины и женщины было одной из вершин жизни, пиком физического и мистического чувствований, когда Он Сам осеняет Своих любящих чад, спускается к ним, открываясь им в яркости и силе. Как же печально, что именно здесь, в близости мужчины и женщины, которая должна быть наполнена Его святостью, безбожники опустили до низшего уровня человеческой деградации! Какую цену приходится платить человечеству за удешевление Божьего дара — прекрасного, благодатного и сильного! Физическая близость — одно из святых мгновений жизни, перекресток духовных путей, когда люди принимают простые и самопроизвольные, но важнейшие решения, исполняют их, причем последствия этих решений сказываются во всем. Физическая близость может уподобиться подводному землетрясению, волны которого распространяются медленно, но неумолимо во все уголки жизни влюбленных, докатываются до друзей и семьи, до будущих еще не рожденных поколений. Физическая близость — святая земля. Это место, где человек может превратить себя в животное будто по мановению волшебной палочки или встать на путь преображения, превратившись в Божье чадо. Во время близости заключенные в человеке ангел и животное встречаются лицом к лицу, вступая друг с другом в смертельную схватку. И одному из них суждено умереть.

Брак — единственное оружие человека, которым он может защититься от бури страстей, безжалостной и первобытной энергии, безумного биологического взрыва чисто сексуальных желаний. Сам по себе брак — это, конечно, не колдовство, которое автоматически возвращает человеку человеческий облик, освящает его или акт любви. Скажем иначе: интимной близости в браке чуть труднее превратиться в животную близость, чем вне брака. Эти слова «чуть труднее» очень важны: даже если всякое брачное ложе на земле будет осквернено, то сама концепция брака — этого реликта далеких дней, этого недостижимого идеала верности и чистоты секса — будет свидетельствовать против распутников. Брак, секс в котором носит извращенные формы, не может быть продолжительным, не может давать истинного удовлетворения, но принесет осуждение супругам. Интимная близость — ярчайший показатель внутреннего семейного климата. Такова удивительная и очевидная истина: качество брака во многом зависит от наличия здоровой и взаимодовлетворяющей интимной жизни. Верно и обратное: чувства партнеров, их представления о браке неизменно найдут отражение в их интимной близости.

Некоторым трудно и странно признать, что тело играет такую большую, порой даже ведущую роль в духовной жизни. И верующим, и неверующим ясно: телесное существование — та область, которая должна строиться на духовных истинах. Интимная близость — это не только один из аспектов взаимоотношений между супругами, но в большинстве случаев — важнейшая из граней их общения, подкидная доска для всего остального: с улыбки и рядовой ласки до величайших подвигов самопожертвования. В плане накала страстей, желания и тяги друг к другу физическая любовь стоит выше всех остальных проявлений любви между супругами, которые идут следом за ней. Порой для супругов является проблемой заставить все остальное идти в ногу с этим полетом духа и тела. Если бы супруги ко всему относились с такой же самоотдачей, как к первому страстному объятию, у них и проблем бы не было. Какими великими и глубокими истинами, какими удивительными признаниями обмениваются сердца мужчины и женщины, когда они лежат в постели вместе! Может, понадобились часы чувственной близости и терпения, поисков, сотни поцелуев, объятий и прикосновений, часы контакта между телами мужа и жены, прежде чем, входя в святилище близости, они научились достигать такой честности и простоты отношений, такого чувства покоя, такого абсолютного доверия. Как проверяется любовь? Нужно, чтобы супруги всегда помнили об этих моментах совершенного даяния и полного приятия, верили в их истинность и святость, не сомневались в них, не отрицали и не забывали их во время ссор и раздоров. Эти моменты должны стать основой отношений супругов: нужно питать и возвращать семена близости, с любовью зароненные в память тел.

Но любовь не строится на близости — близость должна вырастать из любви. Проблемы сексуального плана порой можно решить, изучив основы психологии или «техники», но такие

нововведения — однодневки, если за ними не стоит полный пересмотр взаимоотношений на эмоциональном или духовном уровне. Близость — одно из подобных молитве таинств, которые не познать с помощью техники, и если подходить к ним с позиций технического мастерства, то никогда и ничего не достигнешь. Интимная близость требует самоотдачи, сердечной искренности — тогда сексуальные расстройства забудутся, а потом и вовсе исчезнут. Только любовь может исцелить от подобных неприятностей, а без любви величайшая сноровка и большое умение не принесут удовлетворения.

Короче говоря, если в браке есть сексуальные проблемы, то их решение нужно искать не на страницах книг и учебников, не в кабинете сексопатолога (хотя и его совет порой бывает уместен), а в терпении и чистоте чувств, в сердечном обращении к Богу. Если супруги искренне решили искать Бога, познавать радость христианского общения, проводить время в молитве и чтении Святого Писания, то они скоро увидят: их интимная жизнь наполнится глубоким смыслом и таинственной энергией, которую нельзя обрести никакими другими средствами. Ибо физическую близость сотворит Бог, а потому только Он может дать ее верное толкование, исцелить нарушения, во время нее возникающие.

Да здравствуют различия!

При первом рассмотрении эта сила или явление, которое мы называем сексом, оказывается практически синонимом брака: это магнетизм, притяжение двух разных полюсов. Одна из главных задач супругов — согласиться с тем, что в них Богом вложены противоположности, найти уровень сосуществования этих полюсов, но не слиться при этом. Как мы видим, по характеру супруги все более уподобляются друг другу, но когда двое становятся одной плотью, это не значит, что нога становится рукой. Это означает, что нога и рука начинают действовать согласованно, делать одно дело, идти в одном направлении.

В браке даже на мгновение нельзя забывать, что супруг или супруга — лицо противоположного пола. Это звучит крайне странно, но на деле именно к этому тяготеют многие супружеские пары: иногда совместное проживание увеличивает психологический разрыв между людьми, а иногда уменьшает осознание анатомических отличий. Глубины близости, которые являются сердцевинной взаимоотношений супругов, могут обратиться против них, если супруги решат, что сходств между ними больше, чем есть на самом деле. Они всегда вместе, их поведение предсказуемо, жизнь течет размеренно — все это способствует стиранию различий между мужчиной и женщиной. А ведь именно эти различия и являются на самом деле основой брака: из-за них каша заварилась! В результате супруги начинают ссориться из-за того, что в них слишком много различий, хотя первоначально именно это и привлекало их друг в друга. Они начинают искать соглашения в тех областях, где оно не нужно.

Так что мужу важно помнить, что жена его — существо на него совсем не похожее, т.е. женщина. Конечно, женщина — это существо вполне земное, а не пришелец из космоса. Она не такой человек, как мужчина, т.е. по-другому смотрит на вещи, иначе мыслит, по-своему чувствует, в ином нуждается и т.д. Таким образом, между мужем и женой — два различия: они разные люди и представители противоположных полов. Когда люди забывают, что лица противоположного пола и на деле противоположны, это приводит к абсурду: мужчина отворачивается от женщины лишь потому, что она — не мужчина, и наоборот! Вот так люди часто дурачат самих себя: они уверены, что общаются друг с другом, а на деле общаются сами с собой. В этом — причина всех неврозов!

Но не будем забывать: у любого магнита есть два полюса. Если полюсов нет — нет магнита. Так часто происходит и в браке: когда супруги перестают испытывать друг к другу физическое влечение — это самый серьезный симптом. Значит, магнит потерял способность притягивать, стал простым куском железа. Основополагающее притяжение не имеет ничего общего с юношеской или сексуальной привлекательностью, его не измерить канонами красоты. Дело здесь только в том, что он — мужчина, а она — женщина и сотворены они по подобию Божьему. Когда мужчину больше не тянет к собственной жене, то может случиться, что он потерял и тягу к Богу. Он забыл (как бы это невероятно ни звучало), что его жена — женщина. А как только перестаешь ценить в своей жене женщину, то забываешь и о том, что она — полнокровная личность и, наконец, о том, что сам — мужчина. Так теряешь все.

На чем основан институт брака? Да, мужчина и женщина зависят друг от друга, но на каком-то глубоком и таинственном уровне взаимозависимы женственность и мужественность. Нет мужественности без женственности, и нет женственности без мужественности. Если эти два качества не оттеняют друг друга, они не могут существовать. Брак и в особенности слияние двух тел — самое реальное и четкое определение понятия «человек»: «Мужчину и женщину сотворил их» (Быт. 1:27).

Танцующая лошадь

Как ни странно, физическая близость — это способ не только дать определение понятия «человек», но и рассказать о Боге. Назвав Бога создателем секса, мы скажем этим не только то, что Он изобрел секс,

как и все остальное в мире, но и то, что чувственная любовь берет свое начало в Боге, в Его сути, и потому люди — их душа и тело — это отражение Божьего естества и характера. Следовательно, можно сказать, что и телесная близость богоподобна, создана по Божьему подобию.

В самом начале два рода сочетались в одном человеческом теле: чтобы создать две отдельные личности, Господу пришлось произвести хирургическую операцию: «И навел Господь Бог на человека крепкий сон; и, когда он уснул, взял одно из ребер его... и создал... жену» (Быт. 2:21-22). Женщина не была сотворена из праха или из ничего. Она взята из мужчины, причем таким образом, что мужчина оказался физически отличен от нее, даже в чем-то преумалился. По крайней мере, ребро он потерял. Но можно предположить, что перемена, происшедшая в нем, была более значительной.

В любом случае, лишь вместе мужчина и женщина являют собой Божий образ, причем более полный, чем каждый из них, взятый в отдельности. Телесная же близость остается символом и напоминанием о первобытном состоянии человека — о том, как он впервые появился из праха, будучи слеплен Божьей рукой. Холостяк в своем — одном-единственном — теле идет к вечной жизни, а супруги предприняли то же путешествие в новом объединенном теле. Они или идут вместе, или не идут вообще. Они — одна плоть. Им нужно и мыслить о себе как о единой плоти, жить, как единая плоть.

Неудивительно, что мир для новобрачных настолько же нов и необычен, как и для новорожденного. Супруги обрели новое тело, к которому предстоит привыкнуть. У него — две головы и четыре ноги!

В браке есть что-то от гибрида. Это ни рыба ни мясо. Это — как бег в мешке, только в мешке двое. Брак похож на цирковую танцующую лошадь, которую изображают два клоуна в специальном костюме. Только во всех этих фокусах участвуют не ноги и руки супругов, а их души. В браке не просто открываешь другому душу — души смешиваются. Причем единение это становится настолько тесным, что порой трудно сказать, где кончается один человек и начинается другой. Иногда всматриваешься в ребенка и стараешься понять, на кого из родителей он похож. Может, при этом неким тайным образом стараешься вычленишь индивидуальности супругов, вновь разделить то, что безвозвратно слилось. Нельзя сказать, что внутреннее слияние всегда заметно, но его нельзя не заметить при рождении ребенка, в кризисных ситуациях — когда скрытые жизненные реалии выплывают на поверхность. Так, это становится совершенно очевидно, когда умирает один из супругов: тогда видишь, что часть его жизни покоилась в другом; тогда понимаешь, что оставшийся в живых потерял часть себя. На любом этапе жизненного пути Господь может забрать от нас того, кому мы себя отдали. Такая потеря ощущается прежде всего как потеря себя, а не потеря друга. Скорбящий супруг похож на ослепшего, потерявшего ноги, на паралитика. Такую рану исцелить может Господь и только Господь. Только Он может «закрывать место плотию».

Вальс клеток

Но ни смерть, ни рождение ребенка, ничто другое не показывает взаимосвязанность супругов так явно, наглядно и зримо, как физическая близость. Именно тогда два существа буквально становятся одной плотью. Библия не обещает нам, что брак сам по себе принесет единомыслие или единодушие, но совершенно ясно говорит, что соединение тел во время близости позволяет им стать одной плотью. «Они уже не двое, но одна плоть» (Мф. 19:6). А Павел говорит еще яснее: «Или не знаете, что совокупающийся с блудницею становится одно тело с нею?» (1 Кор. 6:16). Так что удивительное единение достигается не только с помощью брачных обетов, но и во время телесной близости.

В близости принимает участие все тело — пальцы, нос, губы, веки... Чувственно и духовно тела рвутся к единению друг с другом. Даже простой поцелуй — это символ сокрушенной личности, ибо одно лицо прижимается к другому и оба лица сливаются в одно. Поцеловаться — значит, потерять лицо. Это свободное и чистосердечное выражение привязанности.

Но телесная близость — это не только символ, не только знак, но и скрепляющая печать. Это явное смещение флюидов двух тел, теснейший контакт между ними. Есть и менее очевидный аспект: это соединение на клеточном, гормональном, атомном уровне, а также соприкосновение личностей, памяти и воображения, не говоря уже о единении чувств. Во время телесной близости супруги ласкают каждый миллиметр тела друг друга. Если этого не происходит, то, по крайней мере, все любящие друг друга стремятся к подобному накалу страстей: хочется отдать себя всего. Близость — это вальс клеток на подмостках плоти. Кажется, что каждый атом одного тела тянется к атомам другого, выбирая среди них себе партнера, а потом они кружатся в вальсе.

Неудивительно (если учесть, сколько изменений происходит на биологическом уровне), что в этот момент душа слышит не бездумные слова, а нечто очень важное. Ведь тело, душа и личность одного человека пытаются в этот момент слиться с другим. То, что происходит во время близости, отголосками раздается в глубинах души и духа. Получается, что супруги в такие моменты обнажены полностью: обнажены их тело, осязание, зрение, чувства, мысли, все тончайшие струны души. Снимая одежду, мы не

задумываемся об обнажении собственных мыслей, характера, но именно это и происходит. Осознание своей наготы — стыд за грех — показывает, что спрятаться от Бога невозможно, а нагота перед супругом мешает мужчине и женщине скрывать что-то друг от друга. Им может казаться, что они прячут секреты, но на деле нет: они стали одной плотью, как если бы их нервные системы объединились в единую компьютерную сеть. Знание друг о друге — это глубинное знание плоти. Если между супругами пробежит кошка, оба почувствуют это. Если у мужа есть секрет от жены, то он может скрыть суть секрета, но не его наличие: информация о секрете автоматически пройдет по электронной цепи ее мозга. Если хоть тучка омрачит взгляд мужа — она отразится и во взгляде жены.

Так всегда происходит с людьми, спящими в одной постели.

Послушание

Крепость или монастырь?

«Господь дал, Господь и взял; да будет имя Господне благословенно!» (Иов. 1:21).

В браке, как и в жизни, постоянно что-то берешь, а что-то отдаешь. Что берешь — вроде бы ясно: любовь другого человека. Гораздо сложнее понять, что отдаешь свободу мыслить и поступать, как независимый человек. Если бы люди точно понимали, насколько зависимым становится человек в супружестве, то они и не думали бы о разводе, а смотрели бы на развод как на изощренную форму самоубийства. Но если бы они поняли ту степень самоотречения, которая требуется в браке, то никто не стал бы жениться! Брак тоже оказался бы изысканнейшим способом самоубийства. Не стремлением к удобствам и спокойствию, а утерей жизни ради Христа!

Существует распространенное представление о браке, как о некоем святилище; островке спокойствия среди враждебного грубого мира; о месте, где трудности, бури и неуверенность сведены к минимуму. Дома можно развалиться в кресле, отдыхая от борьбы. До какой-то степени это правильно: Бог хочет, чтобы мы чувствовали себя в безопасности. Но не нужно смешивать два понятия: спокойствие и самодовольство. Пословица гласит: «Мой дом — моя крепость». На практике же это значит и то, что у себя дома, в своем удобном мирке, в своей семье человек волен превратиться в деспота и тирана. Ведь его семья — это те, кто его понимают и принимают, не так ли? И вот брак становится чем-то вроде узаконенного института самодурства, теплицей для взращивания неврозов. Стало даже считаться, что любовь дает право на всякий эгоистичный поступок, на какое угодно зло, что брак — договор, дающий двум людям право грешить друг против друга.

Но святое таинство брака, как и другие тайны, не было создано в качестве прибежища для ленивцев. Напротив, брак — это систематическое, плановое самопожертвование. Дом человека — это не столько его крепость, сколько монастырь: если там к нему и относятся как к царю, то лишь для того, чтобы подготовить его к роли слуги. Ибо супружество — это та среда, где ему постоянно будут напоминать о его неприкрытой и явной греховности, повседневно призывать к действенному покаянию. Брак — это строгая дневная рутина, как и в монастыре: жизнь, полная самоотречения; отказ и уход от мира; очень важный шаг для подготовленных людей, для тех, кто стремятся подчинить свою волю воле другого (ибо смирить свою волю можно, только подчиняя ее воле другого). Корень эгоизма можно вырвать, только воспитывая, подавляя и, наконец, выживая чудовище самовозвеличивания — человеческую волю.

Брак — это созданное Господом очень нежное (но, тем не менее, эффективное) средство привести мужчину и женщину к смирению, отказу от своей лукавой воли. Даже любящие супруги неизбежно будут вступать в конфликты, ибо брак — это безрассудно отважная попытка достичь взаимопонимания между двумя сильнейшими себялюбцами. Супружество не может не быть источником конфликтов. Это огонь, в котором две воли плавятся и очищаются, сливаясь в одну. Когда люди вступают в брак, они не представляют, на что идут, но потом обязательно сталкиваются со всеми его реалиями. Брак оборачивается добровольным уподоблением Богу и супругу, самоумерщвлением и подчинением. Он может быть успешным лишь в том случае, если приняты условия борьбы, если знаешь, что ты — в осаде и нужно выжить, если понимаешь, что выходить победителем из этой борьбы нельзя. «Кто из вас меньше всех, — говорил Иисус, — ют будет велик» (Лк. 9:48). Так что, брак — это состязание в том, кто больше преумалится. Это игра в поддавки между двумя волями, в которой каждый хочет проиграть. Только при таком настрое можно сохранить хороший брак — так уж Господь его устроил! Он создал его как путь для мужчины и женщины, ведущий к добровольному преумалению и при этом дарующий мир и радость. Это путь поклонения Богу и прославления Бога. Ибо «ему должно расти, а мне умаляться» (Ин. 3:30), как говорил Иоанн Креститель. Такова наша судьба: нам надлежит умалиться перед величием Господа.

Плановое старение

С одной стороны, жизнь можно счесть обиранием длительной и болезненной экспроприацией, ибо нас призывают не быть собственниками, не держаться за вещи,» места, любимых, даже за время. Как

говорит Павел, наши тела похожи на хижины — самое ненадежное из жилищ (2 Кор. 5:1). Вся наша жизнь под солнцем — жизнь изгнанников, кочевников. Если нам посчастливится дожить до преклонных лет, мы увидим, что лишаемся самого насущного для жизни: гражданских свобод, здоровья, друзей, домашних удобств, физических и умственных способностей, возможности ясного мышления. Нам становится трудно читать, ходить, есть, принимать ванну. Старый человек — это разрушенный город, поверженное государство, здание после бомбежки. В конце концов, у него остается лишь одно — сама жизнь, да и ту можно, как пушинку, сдуть с лица земли.

От будущего не убежать, старения не предотвратить, никакими усилиями его не остановить, молодости не удержать верой, не купить деньгами или любовью. Как ни печально, но постепенное умирание человека настолько очевидно и реально, что ничего другого люди и не замечают. Многие умирают в отчаянии, злости, ярости! Жизнь казалась им такой безликой, чисто механической, а потому бессмысленной. Если они и замечают в существовании какой-то конкретный рисунок, какую-то осмысленную схему, то видят лишь зло, которое мешало им всю жизнь, выкачивало из них силы, унижало их, выбивало из-под их ног последнюю опору, оставляя полностью беззащитными. Люди борются со старением, хотя естественный ход жизни — это путь от рождения к небытию. Частью этой борьбы является провозглашение приоритета преходящих ценностей над вечными: люди отвергают Царство Божье и дар вечной жизни.

Выходит, что единственный путь сохранить вечные ценности — добровольно согласиться с шаткостью временных. «Принимай совет проходящих лет, милостиво расставайся с молодостью», — говорится в книгах. Пока дух человека не смирится — мира не будет. Так или иначе, каждому из нас предстоит покориться. Если не смирит жизнь — усмирит смерть. Так или иначе, нам каждый день надлежит понемножку умирать, а это — несказанно мучительный процесс.

Перед лицом страданий

Брак — не защита от страданий; не крепость, призванная смягчать удары судьбы; не хитроумная система защиты, суть которой — поставить супруга между собой и страданиями. Более того, наш предполагаемый щит может стать источником еще больших страданий и смирения. По горькой иронии тот человек, которого мы любим больше всего в мире, может время от времени вставать между нами и счастьем! Брак не только не смягчает жизненных трудностей, но порой углубляет их, делает их более ощутимыми и болезненными. Любящий Бога всегда страдает в мире больше и сильнее, чем не любящий. Любящий женщину из-за этой любви испытывает больше страданий, чем тот, кто любви сторонится. Суть любви — не отражать боль, а скорее, поглощать ее во все больших количествах. Брак помогает облечь страдание в конкретную форму, как облакает в конкретную форму и радость, а потому он не уменьшает страдание, а преображает его: из безликого делает личностным, поддающимся разумному пониманию. Когда между людьми существуют столь близкие взаимоотношения, как между супругами, создаются удивительные уникальные отношения, при которых страдание становится неотъемлемой частью любви.

Итак, брак — это способ не избежать трудности и невзгоды, а выстоять, противодействовать им более эффективно, более человечно; встретить страдания во всеоружии с высоко поднятой головой, с отчаянной отвагой, на которую способны только любящие. Это образ жизни, когда нет иной стратегии, иной защиты, иного укрытия, кроме любви; постепенно развивающийся процесс посвящения себя другому, когда боль, спрятанная в каждом из двух одиноких людей, перестает быть скрытой или подавленной (как это часто случается), а выпускается на свободу, причем дает при этом исходный толчок для очищения личности. Брак — способ не избежать страданий, а страдать с пользой.

Именно поэтому брак называют святым церковным таинством, особой разновидностью жизни верующего. Это своего рода постриг, причем в такой монастырь, где обет и дисциплина поддерживаются верностью. Обет бедности превращается в обет самоотдачи — человек отдает другому свою жизнь и свое имущество. Обет верности — верность не месту или группе людей, а одному человеку. Обет послушания — покорность одному-единственному, равному тебе человеку, а не хозяину. Брак — святое таинство: жизнь человека становится нормальной и здоровой, а в Божьем понимании — святой, когда он посвящает себя чему-то целиком.

Оставить всех

Как это осуществляется на практике? Казалось бы, брак — это совершенно светская вещь. Ему есть только одна альтернатива — остаться холостяком. Почему же столь светский союз требует полного самоотречения, чуть ли не самоотрицания, ухода из мира?

С самого начала нужно пояснить: процесс выбора супруга или супруги, акт вступления в брак — это нечто вроде полотенца, выброшенного секундантом боксера на ринг и означающего, что спортсмен добровольно выходит из игры. Но в день свадьбы это понимают не все. Правда, раньше или позже

супруги до этого доходят (причем каждый своим путем). Все когда-нибудь понимают: вступить в брак — значит, не быть одиночкой, выбрать себе одного-единственного супруга или супругу и лишиться себя возможности жениться на ком-то еще или выйти замуж за кого-то еще. Следовательно, поле нашего зрения сужается: вступая в брак, мы закрываем перед собой больше дверей, чем приняв какое-либо другое решение. Конечно, могут открыться другие двери, но весь ход жизни женатого человека определяется характером, чаяниями и ходом жизни другого человека. Не миллиардов людей, а одного человека...

Более того, вступая в брак, человек должен понимать: этим он лишает себя возможности установить столь же тесные и глубокие отношения с кем бы то ни было, кроме супруга. Супруга выбирают, как Бога: оставляют ради него все и хранят ему верность до смерти. Чем не отречение от мира?

Но брак — лишь начало отречения. Это только первый шаг. Семейную жизнь можно рассматривать как серию последствий этого первичного и решающего шага отречения, суть которого даже не в том, что мы кого-то берем в мужья или жены, а в том, что отдаем кому-то себя, теряем себя ради другого. Вступая в брак, мы посвящаем себя не делу или верованию, а человеку, со всеми непредсказуемыми последствиями и риском, которые несет с собой такая самоотдача. С этих пор мы постоянно будем что-то отдавать и чего-то лишаться, ибо смиряемся не только перед Господом, но и перед супругом. Теперь нам нужно избавляться не только от всего мирского, к чему успели прилепиться, но и от всего того, к чему успел прилепиться супруг или супруга: от плотских страстей, слабостей, грехов. Трудно смириться с собственными недостатками, но еще труднее терпеть слабости другого. Неприятно наблюдать, как постепенно стареет и ветшает свое тело, но еще труднее видеть, как то же происходит с телом любимого.

Может, кудри жены перестают виться? Или она седеет? Может, она уже не так хороша? Тогда мужу придется отречься от привязанности к приятной внешности жены! То же предстоит сделать и ей. Вместо того, чтобы оплакивать потерю молодости, обоим следует учиться радоваться рождению нового, более прочного чувства, встречать грядущие годы с благодатным смирением. Это новое чувство — глубочайшая любовь, которая никак не обусловлена характером или внешностью супругов.

Или, скажем, муж серьезно заболевает и остается на всю жизнь прикованным к постели. Сможет ли жена смириться с его беспомощностью и по-прежнему видеть в нем мужчину? Сумеет ли она вжиться в новую для нее роль сестры милосердия, с любовью заботиться о нем, не становясь при этом ему матерью? В состоянии ли она перенести отчаяние и гнев, которые, несомненно, будет испытывать муж во время болезни? Сможет ли муж должным образом отреагировать на заботу своей жены?

Это зависит от того, повинуются супруги друг другу или нет. Ни один брак не окажется крепким, если в нем не будет духа самоотдачи, постоянного самоотречения, взаимной заботы. И этот дух нужен каждому человеку — холостому и женатому, причем нужен каждый день. Брак добавляет новую грань в этой борьбе: в браке мы обязаны слушаться супруга не только во время болезни, не только в старости и на смертном одре. О каком же послушании идет речь? О послушании родителям, правительству, государственной системе или институту брака, законам природы, Богу? О послушании тому человеку, которого выбрали сами и которому пообещали свою любовь. Это послушание не внешнему и наносному, а тому, что мы сами, своим сердцем предпочли. Это подчинение не превратностям жизни, а тем конкретным переменам, разочарованиям, несправедливостям, расстройствам, жестокостям мира и той горечи, которые приходят к нам в лице конкретного человека. В браке все очень реально, лично — и радость, и боль. Врак — это не острый угол стола, о который ты случайно стукнулся, а определенный человек, который может сказать тебе горькое или обидное слово. В браке грозишь не небу, а человеку, собственной любви. Брак — это не седые волосы и не полиартрит, а взгляд супруга, который видит твою старость, твое угасание...

Личная власть

Столь тесный контакт, столь полная близость душ — величайшее благословение брака, но одновременно и самое больное его место. Ибо есть один неизменный закон, который прямо-таки въелся в естество человека и от которого в браке возникает большая часть трудностей и неурядиц: человеку легче подчиниться безликой силе, чем конкретной. Когда человеку нужен добрый совет, то он, скорее, последует совету из книжки, чем совету закадычного друга. Человек, который может сносить множество унижений на работе от руководства компании, вспылит, услышав злое слово от непосредственного начальника. В его мозгу начальник и компания — два совершенно отличных друг от друга воплощения власти. Но важны даже не те требования, которые предъявляются к человеку, а источник этих требований. Для него гораздо обиднее, когда требования к нему устанавливает конкретное лицо.

Причину такого явления понять нетрудно. Каждый человек считает себя своей собственностью, и потому, когда над ним тяготеет власть коллектива или безликой силы, у него еще остается надежда.

Когда «хозяин» невидим, человек может легко вообразить, что он сам собой командует, повинуется не по-настоящему, не добровольно, а как бы случайно. А вот когда «хозяин» присутствует, когда это — человек, такой же, как ты, то сама мысль о повиновении становится сомнительной. Для человека с западным менталитетом очень трудно подчиняться воле другого индивидуума (единственное исключение — четко организованная структура, которой подчиняются входящие в нее члены). Этот принцип сохраняется во всем: мы с большим желанием подчиняемся коллективному руководству, чему диктатуре личности; с большей готовностью повинуюемся не людям, а законам.

Когда речь идет о браке, у нас сразу возникает масса проблем, потому что нигде еще не стоит так остро вопрос о подчинении одного человека другому, причем о необходимом подчинении конкретной личности. Самое яркое выражение повиновения — когда мы добровольно отдаем кому-то владычество над собой, а потому нет другой власти, кроме супруги или супруга, против которой мы бы бунтовали так часто и так рьяно. Ведь мы сами дали другому превосходство над собой, значит, его нужно контролировать! Но суть любви — забыть о контроле, как сделал Иисус, когда отдал Себя в руки еврейских и римских правителей. Любовь христианина признает лишь одну истинную власть — Бога Отца. Но при этом христианин не противится остальным властям, он покоряется им. Христианин целиком и полностью полагается на Бога, отдавая себя в руки мира, ибо, как сказал Иисус, «ты не имел бы надо Мною никакой власти, если бы не было дано тебе свыше» (Ин. 19: И). Итак, любовь позволяет Богу править всей жизнью верующего и, в конечном итоге, владеет всей его жизнью, помогает ему не цепляться за нее. Тактика любви — повиновение, смирение, служение.

Для каждого, кто приемлет тактику любви во Христе, дополнительные обязательства, накладываемые браком, уже не кажутся угрозой, а представляются благословением. Требования мира скрыты под маской абстрактного, безликого бюрократического мироустройства («Я тут совершенно ни при чем, я только делаю свое дело»), а претензии брака — это запросы одного конкретного человека. В этом и дар супружества: нас просят подчиняться не чему-то враждебному и абстрактному, а конкретному знакомому и близкому человеку. В ответ мы должны не слепо следовать приказам, а просто любить.

Считается, что повиноваться любимому — легче легкого, но на опыте мы видим, что это не так. И тут главная трудность — наше нежелание повиноваться, которое возникает, когда при ближайшем рассмотрении мы видим, что от нас требуется ни больше ни меньше как отдать свою волю другому человеку. Многие посвящают жизнь идеологической борьбе, деньгам, карьере, политике, совершенно забывая о собственной жене. Сложность брака состоит в том, что в нем нет места для иллюзий; ясно видно, что ты себе не хозяин. У эгоизма появляется конкретный враг из плоти и крови, который живет рядом с тобой под одной крышей, спит в одной постели.

Любовь: черное и белое

Самая большая проблема, с которой сталкиваются супруги, заключается в том, что брак — вещь далеко не абстрактная. Супружество предъявляет к человеку требований не меньше, чем христианская вера. Оба эти понятия очень конкретны и высоконравственны. Ибо, когда Христос входит в жизнь человека, встает вопрос о повседневной «бытовой» нравственности. Бог при общении с человеком не вводит его в транс или религиозный экстаз, а указывает Своим перстом на то или иное пятно в жизни этого человека: ты обидел друга, сказал малую «белую» ложь, ты сплетничал... Так и в браке: приходится постоянно решать совершенно конкретные вопросы, касающиеся нравственности. Откуда-то возникают запреты, которые, как заповеди, начинаются с отрицательной частицы «не»: не дави на тюбик с зубной пастой сверху, не забывай о годовщине свадьбы, не ленись выносить мусор, не пользуйся электрической дрелью, когда жена дома, — она не любит этого звука, и т.д. Есть тысяча мелочей, которые могут разрушить любой брак, потому что из них складываются наша воля, наши мелкие эгоистичные желания. Лишь человек может противопоставить нашей воле свою, показать нам нашу мелочность. Только живое общение с реальным человеком, общение изо дня в день может прорвать мыльный пузырь нашего «я».

Но и общество предъявляет нам конкретные и точные требования. В этом случае у нас есть утешение: нас просят чем-то пожертвовать ради блага многих людей. В браке нам приходится жертвовать многим ради одного единственного человека — а нужно ли это? Зачем? Неужели мои желания менее значимы, чем его? И это не культурные требования, не групповые настояния. От нас" ожидают ежедневной жертвы — наступить на горло собственной воле. Огромные и нерешенные нравственные проблемы брак, как призма, фокусирует в одной точке, а потому и реагировать на столь четко сформулированную нравственную проблему нужно конкретно и однозначно. Любовь окрашена в черный и белый цвета. В ней нет оттенков, нет места туманным абстракциям. Брак*' все решения сводит к одному, которое приходится принимать снова и снова, причем результаты этого первого • и нескончаемого решения — очень конкретные, с далеко идущими последствиями. О каком же решении идет> речь? Об ответе на вопрос: «Попросить мне эту женщину постоянно вмешиваться в мою жизнь или

нет?»).

Кровь и завет

Постоянное присутствие и давление этой чужой воли превращается в силу, которая оказывает на нас гораздо большее влияние, чем все остальное, и это воздействие сильнее всех групповых и безликих факторов — бизнеса, правительства, даже культуры, — ибо человеческая психика не знает более устойчивого влияния, чем глубокое воздействие одной личности на другую. Узы брака — благодатная почва для него. Нет в мире силы, подобной власти мужа над женой и жены над мужем. Если мужчина (или женщина) хочет наложить отпечаток своей личности и духа на другого человека, то достичь этого можно, не уча, не гипнотизируя, не колдуя, не затевая политические интриги, даже не воспитывая, а просто вступив в брак. Ибо брак — это удивительное сочетание кровного родства с заветом. Во всех странах, у всех народов существует институт брака — это средство установить кровное родство, ввести в семью нового члена. Родство возникает, когда стороны обмениваются обещаниями, причем до вступления в брак эти люди не состояли друг с другом в родственных отношениях. Супружество похоже на обращение человека к Богу: человек обещает Богу быть верным, и это скрепляется Христовой кровью. Пролит за нас кровь, Бог в Сыне Своем Иисусе торжественно соединил Его с людьми и сделал христиан Своими кровными родственниками, наследниками Своего Царства. Так что нет ничего крепче крови и завета, ибо этими средствами воспользовался и Сам Бог, чтобы сделать людей чадами Своими.

А потому Иисус не просто Основатель и Глава церкви, но еще и Жених. Теснейшее единство жены и мужа находит отражение в личной связи верующего со Спасителем Иисусом Христом, Который тоже таинственным образом скрепляет супружеские узы. Земная картина брака дает нам практический пример того, как нужно подчиняться Богу: реальный, живший на земле Иисус может быть нашим Господом и принимать постоянное участие в нашей жизни. Наш Бог — это не свод законов нравственности, не определенная теократическая система, не отвлеченная идея, называемая «любовью», а Личность. Нам приходится иметь дело с Личностью — именно об этих реалиях Христос хотел рассказать миру. Причем

Бог имеет не одну Личность, а три — три Ипостаси, неразрывно слитые в одном существе. Это трудно понять, и неудивительно, что многие хотят меньше об этом думать, как стараются поменьше размышлять о браке. Религия для них неприемлема по той же причине, по которой неприемлемо и супружество: в ней слишком мало абстрактного. Он — Господь, Он — Творец реальности. Но Он настолько же близок нам, как жена, Он принимает в нас даже большее участие, чем жена.

Сдаться, чтобы победить

Совершенно естественно, что есть определенная разница между степенью подчиненности Богу и подчиненности человеку. Богу мы повинемся лишь потому, что Он — Бог и Он — совершенен. А человеку мы подчиняемся потому, что он несовершенен и отчаянно нуждается в нашем смиренном служении, нашей любви. «Берегитесь, — предупреждал Павел, — чтобы эта свобода ваша не послужила соблазном для немощных... Никому не подавайте соблазна» (см. 1 Кор. 8:9; 10:32). Если наша свобода действительно вводит кого-то в соблазн, то работу над собой лучше всего начинать по вступлении в брак: у нас каждый день будет возможность смирять свою волю. Если Маша действительно не любит жужжания электродрели, то неуместно намекать на ее причуды, говорить, что от ее миксера шуму не меньше. Гораздо проще не пользоваться злосчастной дрелью, когда Маша дома. Все сводится к простым и ясным вопросам: насколько Ваня любит Машу? Что ему дороже — она или дрель? Что ему важнее — спокойствие жены или новая полка в туалете? Со своей стороны, Маше надо как-то попытаться привыкнуть к жужжанию, понимая, какое для мужа удовольствие — делать вещи своими руками. И дело не в том, кто победит и этой битве воли и капризов, а в том, что каждый постарается отказаться от чего-то ради другого, чтобы любовь росла: пусть не будет полки, пусть заболит от жужжания голова! Нужно понять, что простое, невинное увлечение может в руках дьявола стать яблоком раздора между двумя любящими. Именно об этом и говорил апостол Павел коринфянам, в этом суть отношения к немощным братьям. Но злоупотреблять этим правилом не стоит: как ни смешно, но в браке каждый из супругов не себя, а именно другого считает немощным братом. Если же брат действительно слабее тебя, утверждает Павел, то тем более нечего держаться за свою правоту, не нужно быть излишне упрямым и настырным, лучше сдаться ради любви. Когда правота слишком упорно защищает свои привилегии, она превращается в неправоту.

Мы склоняемся перед Богом, потому что Он сильный и благой. Мы смиряемся перед людьми, потому что они слабые и греховные. Поддаваться нельзя только самому себе и дьяволу. Чтобы этого избежать, мы целиком отдаемся Богу и людям: мы просто не можем принадлежать себе! Так уж мы сотворены. Мы предназначены для любви, для того, чтобы отдавать себя. Брак же был создан, чтобы выполнить наше самое большое желание — отдаться.

Павел советовал женам «повиноваться» мужьям, а мужьям — «любить» жен. (Еф. 5:22, 25).

Некоторые толкователи (причем, не только мужья!) с большим удовольствием отмечали эти разные слова и то, какие последствия имеют эти заповеди для жены и для мужа. Но отрывок предваряет выражение: «повинуйтесь друг другу» (ст. 21), причем из контекста совершенно ясно, что Павел обращается ко всем христианам, и лишь во вторую очередь — к супругам. Выходит, что супруги должны показывать всей христианской общине пример взаимной любви и подчинения. Если мужчина не может с любовью служить собственной жене, а жена — своему мужу, то кому же они тогда смогут служить? Если они не могут друг другу дать счастья, то кому могут? Неудачные браки между христианами — те, в которых царит не самопожертвование, а эгоизм; это повод для насмешек над всей церковью.

В том, что касается отношений между людьми, слова «любить» и «повиноваться» — практически синонимы. Это и есть главная мысль Павла и суть всего Евангелия: любить — значит, повиноваться, а повиноваться — значит, любить. Откуда мы знаем, что Бог нас любит? Из того, что в образе собственного Сына Он «уничтожил Себя Самого, приняв образ раба... смирил Себя, быв послушным даже до смерти, и смерти крестной» (Флп. 2:7-8).

Потерять себя?

Вернуться к повиновению — главное в любви, в частности, в любви супружеской, заветной. В современном мире, да и в прошлые века, перед супругами не стояло более трудной, опасной и важной задачи, которая полностью противоречит не только мирскому образу мышления, но и всем нашим внутренним инстинктивным порывам. Выполнение этой задачи начинается с готовности забыть о себе, отбросить саму концепцию своего «я» ради того, чтобы жить в мире другого человека, потерять свое старое «я» и обрести новое, лучшее, которое может родиться только в огне самоотреченной любви. Причем призывают нас к самопожертвованию полному и безвозвратному: то, что мы раньше считали своим «я», отойдет в сторону, исчезнет из виду. Нужно быть готовым к тому, чтобы войти в необжитые земли, обрести новое самовосприятие, при котором мотивом нашего поведения может быть только любовь. Остальное — безумие.

Не это ли проделал наш Господь, когда отбросил Свою извечную вездесущность, невидимость и стал человеком? Не просто человеком, а крохотным младенцем! Как мог Он стать им? За двадцать веков богословы так и не смогли дать точного определения, кем был Вифлеемский младенец. Единственное, что можно сказать: Он был и Богом, и Человеком, Он был Сам по Себе. Вочеловечение — столь таинственное и уникальное событие, что мы не можем понять, как Сам Бог в тот момент мог знать. Кем Он был. Ясно лишь одно: там, в Вифлееме, Он подверг Себя риску, невообразимому риску ради нас. Каким-то образом Бог подвиг Себя к самому краю, вышел за пределы Себя Самого.

Но кроме риска воплощения был и еще один — риск Голгофы, когда Сын Божий умер, выкрикнув имя Отца, оставившего Его. Тогда казалось, что великая игра проиграна. Кто умер на кресте? Видели ли мы более наглядный «кризис личности», душу (Божью душу!), раздираемую надвое? Когда яснее явилась нам Божья любовь? Каково значение креста? Не забытье ли это Христово? Не покинул ли Иисус Христос Самого Себя, чтобы принести спасение Своему народу? Передо мной встает образ спасателя, который ныряет в бушующие глубины, чтобы спасти утопающего, а утопающий так барахтается и отбивается, что вот-вот утопит его.

А можно ли всерьез полагать, что Господь вселенной рискует, что Он все поставил на карту ради нашего спасения? Можем ли мы по-настоящему поверить, что всемогущий Бог отдал Свою жизнь? Лучше поверить, ибо это — суть христианства, источник и секрет любви. «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Ин. 15:13). Всем нам в этой жизни надлежит умаляться, все мы — на пути к смерти и праху. Но по благодати Божьей во Иисусе Христе смерть (самое страшное из всех поражений) превращается в источник любви.

Я не хочу сказать, что сама по себе смерть имеет какую-то значимость или важность. Даже символическая смерть — нашего «я» — может вызвать у нас психическое расстройство. Дело не в том, чтобы умереть, а в том, чтобы умереть за другого. Если мы забываем себя, то должны сделать это ради другого. Нам нужно так близко подобраться к чужой душе, чтобы почувствовать, как земля уходит из-под ног, как разум покидает нас. Нам нужно выйти из своего темного, уютного уголка, подойти к самому краю, поддаваясь чужому странному влиянию. Ибо и Сам Бог не заперся на Небе. Он — не гигантское Эго, упрямо цепляющееся за Свое тайное хрупкое величие, хранящее Свои честь и достоинство. Нет. Он стал одним из нас: с Него лил пот, Он хотел пить, Он страдал под грузом наших грехов до смерти.

Не каждому по душе умирающий Бог. Мы не хотим, чтобы у нашего Бога были волосатые руки, чтобы из Его ран текла кровь. Мы не хотим замирать от Его любви. Мы этого не просили. Но такой уж Бог — наш Господь. Истина в том, что в Иисусе Христе Бог чересчур близко подошел к нам — сохранить спокойствие невозможно. Он постучал в наше сердце и оставил Свое изломанное тело на нашем пороге.

Любить следует так: нужно быть чересчур близко; необходимо от всего сердца стараться понять другого, в какой бы грязи он ни жил. Не нужно бояться за свое «я» — тогда мы сможем уподобиться Господу Иисусу Христу.

Любовь и подобие

Брак грозит потерей своего «я», ибо мы отдаем себя другому человеку, не похожому на нас, во многом даже нашему антиподу, тому, кто относится к «особам противоположного пола». В браке приходится быть его партнером и соучастником во всем, что показывает: контрастного в нас не так уж много.

Говорят: «противоположности притягиваются». Но женятся то потому, что чувствуют что-то общее! Иначе и быть не может. Если мужчина и женщина слишком долго смотрят в глаза друг другу, они обязательно придут к интересному выводу: они смотрят в одном направлении, они настроены на одну волну. И в определенном смысле они правы, но, с другой стороны, — глубоко ошибаются.

Если с самого начала супруги трезво осознают, насколько они разные, то у них все равно сохраняется тайная уверенность, что брак сгладит все различия и «соединит» их. Эта надежда сбывается, ибо брак на деле является совершенно однозначным процессом уподобления двух людей друг другу — нравится им это или нет. Так происходит в счастливых и в несчастных браках: каков бы ни был изначальный уровень похожести супругов, брак будет увеличивать сходство между ними. Возможно, оба супруга жаждут помогать людям: один глубоко чувствует людей и заботится о них, а другой руководит благотворительной организацией. В совместном браке они будут как бы копировать качества друг друга: один научится лучше чувствовать людей, а другой сможет оценить силу организованной работы. Супруги волей-неволей становятся похожими друг на друга.

Но воздействие одного на другого может быть и негативным: дурные привычки тоже передаются, причем незаметно. Брак иногда может превращаться в нескончаемую холодную войну, в которой каждый из супругов, какими бы разными по характеру они ни были, станет из чувства противоречия зеркально отражать поведение другого. Или они могут заключить разновидность «римского мира», в котором один давит на другого, а тот отвечает холодным враждебным смирением. Порой у пары может установиться полное взаимопонимание, если их свяжет грех, — этаким союз заговорщиков, которые эмоционально зависимы друг от друга. Но подобные союзы — не симбиоз, а паразитизм. В любом случае: люди сделаны из глины, и на протяжении жизни глина меняет форму. Мы просто не можем не лепить друг друга. Мы — плоть, глина, парафин, и процесса лепки нам не избежать. Брак — бесконечное лишение друг друга каких-то индивидуальных свойств, причем таких, от которых супруги и не собирались отказываться. Говорят, супруги с большим стажем семейной жизни даже внешне становятся похожими друг на друга. Возможно, так оно и есть. Следовательно, в браке присутствует эффект «отражения». Он основывается на том, что первоначально — в период влюбленности — существовало определенное совпадение волновых частот, а потом уже сами условия брака вынудили людей уподобиться друг другу. Влюбленные мечтают, чтобы их любовь не кончалась, а супруги постоянно противятся переменам. Другими словами, мы хотим, чтобы супруг был похож на нас, а сами ни на кого не хотим быть похожими.

Жизнь — это общение

Одно из величайших благословений брака оказывается одной из самых больших ловушек. Каждый супруг считает другого частью самого себя, чем-то вроде своего второго «я». В этом нет ничего плохого. Брак действительно объединяет двух разных людей, превращая их в одну плоть. Беда в другом: каждый из супругов хочет, чтобы эта «воссоединенная плоть» имела как можно больше его качеств и как можно меньше чужих. Мы не хотим участвовать в создании новой плоти, а хотим вобрать другого в свою — старую, отжившую. Нам втайне хочется иметь не супруга, а свою копию. Ибо «я» — это как громадный вакуум: сам по себе он — ничто, кроме себя ему ничего не надо, и он все затягивает в свое чрево.

В определенном смысле мы не можем стать другими, потому что сотворены по образу Бога, величайшее желание Которого — преобразить нас, уподобив Себе. Но Господь — единственный, Кто имеет полное право на такое желание. Чтобы показать Свою великую любовь, Он согласился стать одним из нас, быть втянутым в большой вакуум мира и греха, стать буквально «одной плоти» с нами, как бы говоря: не бойтесь стать другими ради любви. Если уж Бог-Творец облекся в нашу плоть, то с каким желанием должны мы стремиться облечься в Его Дух! И если Тот, Кто выше нас, согласился стать подобным нам, стать нашим Братом, то для нас уподобиться другому человеку, своему равному — сущий пустяк.

Это естественно: каждый из супругов должен добровольно становиться похожим на другого — пусть его не пугают чужие добродетели и пороки. Двое станут одной плотью, а потом это новое существо будет возрастать в подобии Христа. Но таково ли современное представление о браке? Теперь любовь —

это средство самоудовлетворения. Сегодня говорят о том, что важно сохранять свое лицо, свою индивидуальность, уважать привычки другого, но всегда оставаться самим собой. Эти красивые слова на поверку оказываются пропагандой эгоизма. На деле их авторы и не пытаются сохранить в себе ту уникальную индивидуальность, которую им дал Бог, а загоняют ее в узкие рамки «эго», словно человек — это лишь то, чем он хочет стать, как будто главное для него — его собственные планы на жизнь, свои желания. В браке подобные отношения невозможны. Брак разоблачает эгоизм, под какой бы личиной тот ни скрывался, брак постоянно и неустанно расшатывает «эго». Любое стремление супруга к сохранению индивидуальности (в современном извращенном значении этого слова) будет предательством по отношению к любви. Ибо в браке мы рассматриваем индивидуальность как Божий дар и дар любимого. Индивидуальность не развить в одиночку — она рождается в постоянном общении с супругом. Мы не несем с собой в брак готовую индивидуальность, а приобретаем ее в ходе общения. Да ее и невозможно обнаружить в себе вне общения с людьми. Концепция «личности» не предполагает существования отдельного элемента бытия, оторванного от остальной реальности и независимого от нее: личность — это состояние, которое возникает в общении. Мы существуем не сами в себе, а только в ходе общения с Богом и людьми. Эта истина верна и для Бога, ибо Господь — это не одно независимое лицо, а три. Святая Троица сосуществует в полном единстве, и все ипостаси служат совершенным отражением и выражением друг друга. Если хотите, наш Бог — это брак, семья, члены которой не стыдятся походить друг на друга, всегда и во всем согласны друг с другом. Если хотя бы один из них (скажем, Иисус) хоть на минуту пожелает стать независимым от других, стать «Самим Собой», то христианства не будет. Можно предположить, что вся вселенная тут же разлетится на куски.

Носите бремя друг друга

В конечном итоге мы видим, что брак ставит перед людьми один простой вопрос: можно ли настолько возлюбить другого человека, чтобы согласиться стать на него похожим? Когда Бог задал этот вопрос Себе, Он на него тут же ответил: стал Человеком. Но настоящему испытанию наша любовь к ближним подвергается тогда, когда в ходе тесного общения они вовлекают нас в свой мир, делают соучастниками собственных слабостей, даже возлагают на нас свои грехи. «Носите бремена друг друга, и таким образом исполните закон Христов» (Гал. 6:2). В браке мы имеем возможность почувствовать на себе, что значило для Иисуса, Сына Божьего, «понести наши грехи». Любимый человек, с которым мы делим всю жизнь, носит в себе наши страдания, недовольства, неприятности и скорби. Он идет одним путем с нами. Он радуется, болеет и горюет с нами, даже принимает на себя вину за наши прегрешения. Согрешив, мы виним его, потому что слепнем от греха и норовим переложить вину на другого. Любимый человек — пусть он и не совершил всех наших грехов — все равно испытывает их последствия, потому что любит нас. И чем больше любит, тем тяжелее давит на него наш грех. Суть любви — нести грех другого. Не просто из симпатии, жалости, желания помочь, но чтобы взять на себя часть вины. Много пишут, что в семейной жизни важно оставлять ненужное за бортом, не носить в себе вину супруга. Так говорят психологи — любовь говорит иначе. Любовь сносит все — вину, стыд, грех.

Человек, которого мы любим, — наш крест, но он еще и помощник: он помогает нести этот крест. Почему? Дело в том, что невозможно любить, не замечая страданий любимого. Его несчастья тяжким бременем ложатся и на наши плечи. Кто наш любимый? Лучший в мире, чуть ли не святой? Напротив, любить — значит, воспринимать человека столь же реалистично, как и себя, видеть в нем, как и в себе, «главного из грешников», замечать все слабости, недостатки, дурные привычки, но по благодати Божьей не только мириться с этим человеком, но и принимать его таким, какой он есть, любя все больше и глубже. Другими словами, любовь заставляет двух людей проходить тот путь, по которому вера ведет одного. Ибо вера всегда начинается с признания собственной греховности (покаяния). Прощение помогает человеку примириться с самим собой. Так и любовь: настоящая любовь видит все худшее в любимом и прощает.

Муж не может себе позволить злиться на жену за ее недостатки и не может не замечать их. Ему приходится нести их, как часть ее креста, а она несет часть его бремени. Жить в любви — значит, постоянно ощущать, как жена борется со своей греховностью. Можно ли тут ворчать на нее? Нет, на ее недостатки можно отвечать только нежностью и состраданием, скорбью, которая увеличивает любовь. В этом смысле любовь не только приходит свыше, но и рождается в глубинах нашего естества. Любить другого — значит, попасть в водоворот его естества: тебя все глубже будет засасывать в темные трагические хитросплетения чужой греховной плоти. Пройти через такое испытание и остаться неоскверненной может только чистая любовь. Отталкивающая внешность может вызвать ненависть, которая появляется от того, что тебе не нравятся какие-то внешние проявления характера того или иного человека. А любовь состоит в том, чтобы заглянуть в самый корень извращенной, греховной и себялюбивой человеческой природы и не почувствовать отвращения. В этом поможет благодать: по

благодати любят нас, она дает нам силы идти по темной тропе любимого. Если любишь кого-то за святость, значит, не любишь его вообще. Нечего расходовать свою любовь на святых! Она предназначена для грешников. «Не плачьте обо Мне, — сказал Иисус по дороге на Голгофу, — но плачьте о себе и о детях ваших!» (Лк. 23:28).

Когда начинаешь понимать и принимать недостатки любимого (а лучше всего они видны именно в браке), то легче становится понять богословское учение об искуплении, постичь, как Господь — Который ближе к нам, чем любимый, ближе нас самих — решил благодаря страстной Христовой любви занять наше место и принять не только наказание за наши грехи, но и вину за них. Бог не виноват в наших грехах, но, тем не менее, взял на Себя всю ответственность за них. Люди так свою любовь не проявляют — так показывает Свою любовь только Бог. Иисус — вершина любви, которая несет чужой грех и приносит в жертву себя.

Но если мы не приемлем Господнего дара, не отдаем Ему свою жизнь, то все, что Он сделал, — напрасно. Это было бы столь же бессмысленно, как если бы мы решили понести бремя нашей бывшей симпатии, которую нежно любили в пятом классе (а она нас отвергла и больше мы о ней ничего не слышали). Господь взял на Себя бремя всех, но тем, кто отказываются принять Его жертву, проку от Его самопожертвования мало. Значит, любовь Его напрасна? Совершенная любовь остается совершенной, даже когда она безответна. Но плоды она приносит в рамках заветных отношений, таких как отношения Господа с Его народом, отношения мужа с женой. В вере и в браке верны слова: «Любовь покрывает множество грехов».

Совершенство друг для друга

Когда проявляется истинное христианское повиновение? Когда человек повинуетеся приказам, исполняет чужие капризы или терпит чужие слабости? О таком повиновении знает весь мир. Но для христиан повиновение — нечто большее: это добровольное и дерзновенное соприкосновение с чужим грехом. Я не говорю «соучастие в грехе». Я говорю о той ситуации, когда наравне с согрешившим платишь цену за грех. У христианина найдутся силы простить другого и прежде всего потому, что он сам прощен, а во-вторых, потому, что он сам сокрушен грехом. Короче говоря, у него нет выбора: простить или самоуничтожиться. Истинное повиновение — это смирение, рожденное ощущением чужого греха.

Когда это правило действует в браке, происходят чудеса: супруги перестают бояться друг друга, потому что корень страха вырван — муж и жена готовы понести наказание друг за друга. «Совершенная любовь изгоняет страх, потому что в страхе есть мучение» (1 Ин. 4:18). В такой ситуации супруги будут помогать друг другу, слушаться друг друга, терпеливо переносить недостатки друг друга. Не для того, чтобы скрипя зубами выработать в себе какую-то абстрактную добродетель, а потому, что они перестали бояться собственных недостатков, прекратили тревожиться, что супруг подавит их своей индивидуальностью. Они не опасаются потерять свое лицо или деградировать, их не пугают гнев, гордыня или упрямство супруга, даже его болезнь. Они не боятся его греха, потому что видели грех супруга во всей неприглядности... и простили, как и сами были прощены. Итак, они видят друг друга такими, какими Бог видит их: чистыми, непорочными, совершенными.

Они не обманывают себя мыслью, что супруг или супруга — идеальный человек или совершенный христианин. Нет, они знают: они — совершенство друг для друга, лучшего им и желать нечего. Строго говоря, безупречного человека не существует, так как человек только какие-то конкретные функции может выполнять талантливо. Так что добродетель может проявиться лишь в соприкосновении еще с кем-то. На деле существует только одно совершенство — относительное (в противоположность функциональному). В этом мире никто из нас не достигнет абсолютного идеала, так что будем верить, что Господь уже сделал нас безупречными благодаря чуду человеческих взаимоотношений. Мы совершенны не сами по себе, а друг для друга, как и Христос совершенен не Сам в Себе (это бессмысленное понятие), а в роли Сына, Человека и Бога, Который «хотя Он и Сын, однако страданиями навык послушанию, и совершившись сделался для всех послушных Ему виновником спасения вечного» (Евр. 5:8-9). Другими словами, Он достиг совершенства через послушание, а потому имеет все необходимые качества для того, чтобы быть любящим помощником Своего народа.

А мы — мужья и жены? Набираемся ли мы нужных качеств для того, чтобы быть любящими помощниками друг друга в нуждах и бедах?

Смерть

Чудо дьявола

Жизнь — это медленный процесс старения, непрерывный путь к смерти. Каждый миг мы стареем, приближаемся к смерти. Таким образом, жизнь и смерть тесно сплелись в наших телах, они идут бок о бок. рука об руку. Никто из нас не обманывается насчет смерти. Многое скрыто от людского разума, но то, что каждый должен умереть, было ясно всегда. Настанет день, когда исчезнут все наши земные

сокровища и мы утратим способность видеть их и наслаждаться ими, лишимся даже собственной плоти. Нас скроет земля, и мы станем, как осенний лист — коричневый, сухой, ломкий, который унесет ветер.

Факт смерти очевиден. Тем удивительнее, что многие люди веками не хотели в него верить и согласиться с ним. Да, без веры тут не обойтись. Ибо смерть — это разновидность чуда. Чуда, если хотите, свершенного дьяволом. Для многих из нас самым тяжелым моментом станет зрелище того, как перед нашими глазами жизнь покидает дорогое тело любимого. Слишком неправдоподобно! Непостижимо! Смерть всегда кажется невероятной абстракцией, но на деле она — реальнее всего остального. Философы любят спорить о том, существуют или не существуют столы, но вот о существовании смерти споров никто не ведет. Его подтверждают все наши органы чувств, хотя есть весомые свидетельства (такие, которые не представишь в суде или лаборатории ученого), которые опровергают это.

Смерть, подобно книжной интриге, пронизывает всю нашу жизнь и развивается по нарастающей. Она становится все ближе и рельефнее, словно мы стали жертвой в каком-то криминальном романе. Осознание реальности смерти начинает пронизывать каждую клетку нашего тела, пока она не взрывается внутри нас, посылая каждый атом обратно, туда, откуда он взялся.

Черная бархатная завеса

Доживаешь до зрелого возраста, и наступает момент, когда становится ясно: ты больше не держишь мир за хвост, более того, кажется, что мир — твой враг, потому что он мешает всем твоим стремлениям: к покою, успеху, вечной жизни, любви. В детстве мир выглядит игровой площадкой, тем местом, где уже все готово, где можно спокойно играть целый день. И нетрудно понять наше разочарование, когда мы вырастаем и обнаруживаем, что детское мировосприятие — лишь иллюзия, что мир — не площадка для игр, а концлагерь. В мире можно выжить, только трудясь в поту, пожить — и умереть. За колючую проволоку дороги нет.

Именно в такие моменты смерть встает перед нами во всей своей реальности. На второй план отходят чувство страха, неприязнь и отвращение перед смертью, мы уже не воспринимаем ее, как трагический конец истории, занявший место счастливого финала. Мы принимаем ее, как повседневную реальность, которая разрастается в наших сердцах по мере того, как мы стареем. Детями мы стояли на спортивной площадке и ждали, когда нас возьмут в ту или другую команду. Теперь кажется, что есть только одна команда, и мы надеемся, что нас в нее не возьмут, хотя бы сегодня. Пусть потом, но не сегодня.

Так что, мы умираем не единожды, а понемножку каждый день. Смерть съедает нашу жизнь, иногда сразу, иногда постепенно, мимоходом выбивая из-под нас одну опору за другой, вплоть до того дня, когда мы встречаем ее лицом к лицу.

Так течет жизнь многих неверующих людей. На их сцене одна декорация — черная, зияющая пустота, а жизнь — это завитки огня, которые появляются на ее фоне. По такой земле мы ходили, темное прошлое сделало нас сложными запутанными натурами. Это и есть черный бархатный занавес, на поле которого разыгрывается драма жизни и любви. Любовь считают ослепительной кометой на небе, огнем, согревающим всю человеческую жизнь, горящим ярче самой жизни. Даже атеисты верят в любовь, и неудивительно, что реальность смерти обычно осознаешь, когда обретаешь способность к зрелой любви. Как будто любовь — это ответ смерти, договор против смерти!

Всем известен факт: любовь всегда напоминает о смерти. Есть и другие вещи, которые подчеркивают смерть, но ни одна из них не придает ей такой рельефности. О ней вспоминает романтик-влюбленный и не забывает зрелый супруг. Брак и смерть подобны паре влюбленных.

Погребены друг в друге

Когда встречаются губы, переплетаются пальцы, когда влюбленные обнимают друг друга и обмениваются клятвами, когда они каждый день живут бок о бок, — это и отрицание, и утверждение смерти. В этом есть что-то мятежное и одновременно умиротворяющее. Кажется, что вы вдвоем находитесь на незнакомой планете и прижимаетесь друг к другу, чтобы согреться. Но в браке присутствует и ощущение непобедимого союза, какой-то связи, которая сильнее всех козней врага.

Это чувствует мужчина накануне свадьбы. Он знает: какая-то часть его мужественности готовится к горькому и неприятному поражению. Тем не менее, он радостен и уверен в себе. Он дрожит, его одолевают сомнения, но он все равно тверд и торжествен, все равно ощущает себя при этом счастливейшим человеком на свете. Когда влюблен — о смерти не думаешь, хотя подумать о ней было бы очень уместно.

Часто брак сравнивают с похоронами: там одного человека зарывают в землю, а тут двух человек зарывают друг в друга. Но в любом случае смерть не оставит брак, хотя (или потому что) любовь — это заговор против смерти: если брак настолько счастливый, что супруги не мыслят расставания друг с

другом, или если настолько неудачный, что супруги втайне надеются освободиться друг от друга, — они все равно помнят о смерти.

Смерть постоянно парит над браком, к супругам она ближе, чем к холостякам. Она маячит перед супругами, как огромное лицо, возникшее ночью в окне. В первобытном смысле брак можно считать чем-то вроде амулета против смерти. Но призрак появляется чаще всего во время естественного и волнующего процесса — родов. Для многих людей младенец — которого хорошо кормят, за которым ухаживают — это единственный способ сгладить удар смерти.

И что же? Брак делает смертную тень темнее, а рождение ребенка — еще чернее. Угроза, риск, потенциальная возможность трагедии утраиваются с рождением ребенка. Для семьи смерть — больший враг, чем для холостяка: к холостяку она не придет больше одного раза, а вот в семью может прийти неоднократно. Что страшнее и непонятнее смерти ребенка? Почему смерть любимого чада кажется нам большей трагедией, чем смерть сироты? Нет на земле человека, организации, общества, которые заботились бы о человеческой жизни лучше, чем семья, и ненавидели бы смерть больше, чем семья.

Что происходит? Удерживают ли брак, дети и любовь смерть снаружи зачарованного, блистающего круга семейной жизни или подводят ее еще ближе к членам семьи? Само существование смерти придает любви особый оттенок отчаяния и неотложности, рельефность, даже ясность, которых без нее бы не было. Но верно и обратное. Жизнь без любви сделала бы смерть менее страшной. Способность любить — богоданная мудрость — и ясность видения помогают человеку лучше видеть ужас смерти и острее чувствовать ее жало.

Но ненавидеть смерть — значит, ненавидеть ее жало, которое есть грех, а грех отделяет нас от Бога. Итак, когда влюбленные ненавидят и презирают смерть (это чувствуют даже неверующие), они на деле ненавидят (знали бы они об этом сами!) мысль об отлучении от Бога.

Воскресение

Брак не имеет ничего общего с хмурым, нежеланным гостем в черном — повышенной чувствительностью к смерти. Супруги могут позволить ему войти, поучаствовать в своих повседневных делах, а потом использовать его присутствие, как повод, чтобы вознести помыслы к Богу. Слова «memento mori» («помни о смерти») можно перевести как «memento Dei» («помни о Боге»). Зачастую брак направляет в верное русло мысли о смерти, вечности и Самом Господе.

Если существование смерти обогащает любовь, то почему бы любви не обогатить смерть? Ведь глубже и сильнее всего чувствуешь любовь именно при смерти любимого! Когда любимый находится на пороге смерти, когда знаешь, что он вот-вот уйдет из жизни, как не ощутить всей ценности этого человека? Почему же каждый день своей жизни не жить так, словно он последний? Будто это вообще последний день мира, последний день любимого человека? И тогда присутствие смерти вместо черной тучи, нависающей над любовью, грозящей разрушением, превратится в источник живительной влаги, которая будет орошать наши мысли, напоминая о хрупкости жизни, ценности каждого ее мгновения, будет лелеять в нас надежду на вечную жизнь, дарованную благодаря воскресению нашего Господа Иисуса Христа.

Когда я держу в ладонях лицо жены, глажу теплую, упругую, нежную кожу, пробегаю пальцами через шелк ее волос, то часто думаю, что под кожей и волосами скрывается череп. Я представляю, как бежит кровь по сложной сети сосудов, как напрягаются мышцы, как посылают импульсы нервные окончания. Воображаю себе извилины ее мозга, думаю о грандиозном коммутаторе в человеческом мозгу, о работе каждой клеточки. И я не могу понять, как миллионы крохотных частиц плоти и крови могут образовать такое нежное лицо! Это все равно, что сделать воду из камня! Меня поражает это хитросплетение физики, биофизики, метафизики, квантовой механики, какой-то внеземной химии и Божьей благодати, в результате которого она была сотворена.

Но я все равно не перестаю думать о ее черепе. Мне нравится мысленно видеть его белым, словно фарфоровым. Каким странным будет взгляд пустых глазниц, устремленный в вечность! Меня это волнует, волнует не меньше, чем изгиб и упругость ее груди. В смерти есть своя эротика, потому что нервный центр эротики — в бессмертии.

Я не думаю, что в моих рассуждениях есть что-то угрюмое. Дело в том, что череп есть у каждого, как и кости, которые по иронии судьбы переживают своих хозяев. Это какая-то вселенская шутка, загадка — неразрешимая, но очень ловко придуманная для того, чтобы возбудить наше любопытство, прекратить наши умствования и подтолкнуть к молитве. Загадка в том, что твердые, белые, крепкие кости одеты живой плотью. Эта плоть прекрасна, но со временем она обречена умереть и отпасть от костей, словно скорлупка с ореха. В такую почву и должно попасть зерно веры. Вопросы роятся в мозгу: откуда такая поразительная красота? Почему она так быстротечна? Почему вообще хоть что-то существует? Зачем жить, если суждено умереть? И дело здесь в спасении не души, о котором мы,

смертные, так печемся, а нашего брэнного любимого тела. Тело — наше сокровище, без которого мы себя не мыслим.

Когда я дотрагиваюсь своими пальцами — косточками, обвитыми плотью, — до глаз жены, то ловлю себя на мысли: а ведь здесь могло бы быть все что угодно, кроме карих, пронизательных, прекрасных и сияющих глаз. И глаза эти становятся мне безумно дороги, потому что их там могло бы и не быть. Они не покажутся чудом, пока я не увижу их такими, какие они есть: зависшими в глазницах черепа, как земля в космическом пространстве.

Мне нужен этот череп. Мне нужен этот ужасный и возбуждающий вопросительный знак: жизнь здесь, рядом, она — теплая и трепещущая на фоне черной бархатной подушечки, она — на краю пропасти.

Иезекииль это знал. Именно поэтому в долине сухих костей он пророчествовал о великой тайне искупительной Божьей любви. Господь подхватил пророка и опустил

в самую гущу пира Смерти, на кладбище человечества, обвел его «кругом около них, и вот весьма много их на поверхности поля, и вот они весьма сухи» (Иез. 37:2). Бог заставил его заглянуть в пустые глазницы и подумать, что остается от человека после того, как он перестает дышать, лишается теплого трепещущего покрова плоти. Подобно Гамлету, первому экзистенциалисту в западной литературе, глядящему на череп Йорка, Иезекииль понял, что конечная перспектива человека — превратиться в глину, которой можно замазать любую дыру. В сухости и мертвенности белых костей Иезекииль увидел чудо Божьей благодати, чудо любви: когда-то Господь вдохнул в них жизнь и пообещал, что вновь призовет верных из могил. Ибо то, что сделал Господь однажды, Он может и повторить.

«Сын человеческий! оживут ли кости сии? я сказал: Господи Боже! Ты знаешь это».

Хвалебная речь

Таким образом, мы узнаем, что супружеская любовь от начала до конца должна быть проникнута чем-то вроде атмосферы радостных похорон. Мария показала Иисусу свою любовь, возлив драгоценное миро на Его живую плоть, готовя Его здоровое тело к погребению (Ин. 12:3). Но ведь многие умерли без такого участия, и в сердцах живых остались глубокие, незаживающие раны: они продолжают сожалеть, что при жизни не любили усопших так, как следовало, ибо всю силу своей любви осознали лишь после их смерти.

Нам нужно научиться скорбеть по любимым при жизни. Не ждите, пока они уйдут: тогда скорбь никому, кроме нас, пользы не принесет. Хоть один поцелуй в день следует разбавлять слезами! И это будет сродни пробуждению: мы осознаем чудо чужой жизни, ощутим любовь и веру, О костях нужно помнить всегда, отдавайте им должное перед тем, как предаться празднику плоти. Любовь нужно сдабривать раскаянием, постепенно вырывая из смерти жало, платя ей дань — проявляя любовь к любимым. Сегодня настало время говорить хвалебные речи, дарить цветы. Сегодня — время переложить бремя любимых на свои плечи.

Эпилог

По утрам я открываю глаза и вижу розовые отблески рассвета на коре трех берез, растущих под окном. Между двумя из них еще виден месяц: только что было полнолуние, и он начал убывать, превращаясь в букву «с». Он такой же бледно-розовый, как и стволы берез. Деревья и луна кажутся полупрозрачными, будто кто-то сзади подсвечивает их фонариком.

И само утро полупрозрачное. Воздух — словно хрусталь. Даже гора — самое непрозрачное из Божьих творений — светится внутренним светом. Она видна через южное окно и наполняет комнату отблесками коричневого, серого и зеленого цветов, сверкающими, будто на воде.

Гора, водопад, луна, розовые стволы берез — все это реальность. Сами по себе они удивительны, но еще поразительнее эта их полупрозрачность, способность показывать, что есть нечто большее помимо них, есть один истинный Свет, который заключен и в них. Можно ли представить себе мир в виде окна, из-за которого на нас смотрит лицо нашего Господа?

Каждое утро я вижу перед собой такую картину. Аккомпанемент — шум быстрых, серебристо-голубых стремительных горных рек. Этот звук проникает в мои уши, пока рассветные лучи поднимают мои веки.

Но есть нечто большее, более грандиозное, чем эти величественные и прекрасные творения, нечто вмещающее в себя еще больше света. На кровати рядом со мной лежит женщина. Я могу протянуть руку и коснуться ее. Это не сложнее, чем дотронуться до самого себя. Когда я об этом думаю, то поражаюсь больше, чем при виде гор или луны. Окажись эта женщина ангелом — и тогда я бы так не удивился. Сердце мое не разрывается от благоговения только по двум причинам: во-первых, рядом с этой женщиной я просыпался уже сотни раз; во-вторых, миллионы других мужчин и женщин по всему миру

каждый Божий день уже тысячи лет вот так просыпаются друг рядом с другом.

Так рушатся чудеса, превращаются в повседневную жизнь. Так статистика засыпает своей пылью удивительную красоту жизни, превращая небесное в земное, невозможное — в неизбежное. Но если чудо любви мужчины и женщины можно лишить его величия, покрыть пылью, похоронить под грузом текущих забот, то как такие мужчины и женщины выживут в раю, где любовь будет столь же насущна, как воздух? Как мы будем жить в вечности, где нас не удивит уже никакое чудо, потому что, кроме чудес, там ничего не будет? Я думаю, что сейчас — самое время удивляться и благоговеть: или мы задохнемся под бременем некрасивого, неувидительного, неяркого, неблагодарного — или научимся дышать воздухом благодати. Скажу яснее: в браке мы учимся ценить друг друга. Мы учимся любить.

Так что, готовясь к раю, я с благодатным ожиданием в пробуждающемся свете нового дня смотрю на лежащую рядом со мной женщину. Она дышит легко и кажется частью моего тела. Для меня она — прекраснее света, реальнее огромной горы. Она ближе мне, чем воздух, которым я дышу; она «кость от костей моих и плоть от плоти моей». В моей жизни есть и другие люди, но таких, как она, нет. Для меня она — образ сосуда, в который я должен быть и буду влит. Все самое лучшее, все сливки моей любви — для нее.

В своей скорбной блистающей плоти она так же близка мне, как Христос близок мне в духе.

Наследие влюбленного

Любовь, ты — наследие мое, вечное пристанище мое.

Счастливый холостяк хочет стать затворником.

Но я — твой муж и постоянно стремлюсь к тебе.

Твое тело — это путь, манящи*

в золотые леса.

Твоя любовь — это поляна

посреди леса.

Здесь строю я дом свой,

в одной тебе его строю.

С тобой познал я одиночество,
какого не знал раньше.

Один стол, одно кресло
у очага твоего.

Лицо твое — окно,
в нем свет — ярче небесного!

Объятия твои —
мое прибежище.

Как радостно мне жить
в тихой твоей гавани!

Слова твои тише
моих мыслей.

Настроение твое —
пляшущая тень свечи.

Улыбка твоя согревает меня, как солнце землю.

Смех твой — ручей, журчащий у моего порога.

Ты — нежнее дыхания,

Ты — удивительнее смерти.

Гладить волосы твои —
отдых, подобный сну.

Где умереть мне,
как не в твоих карих глазах?

Все странствия мои
кончаются тобой.

Любовь, ты — наследие мое, вечное пристанище мое.